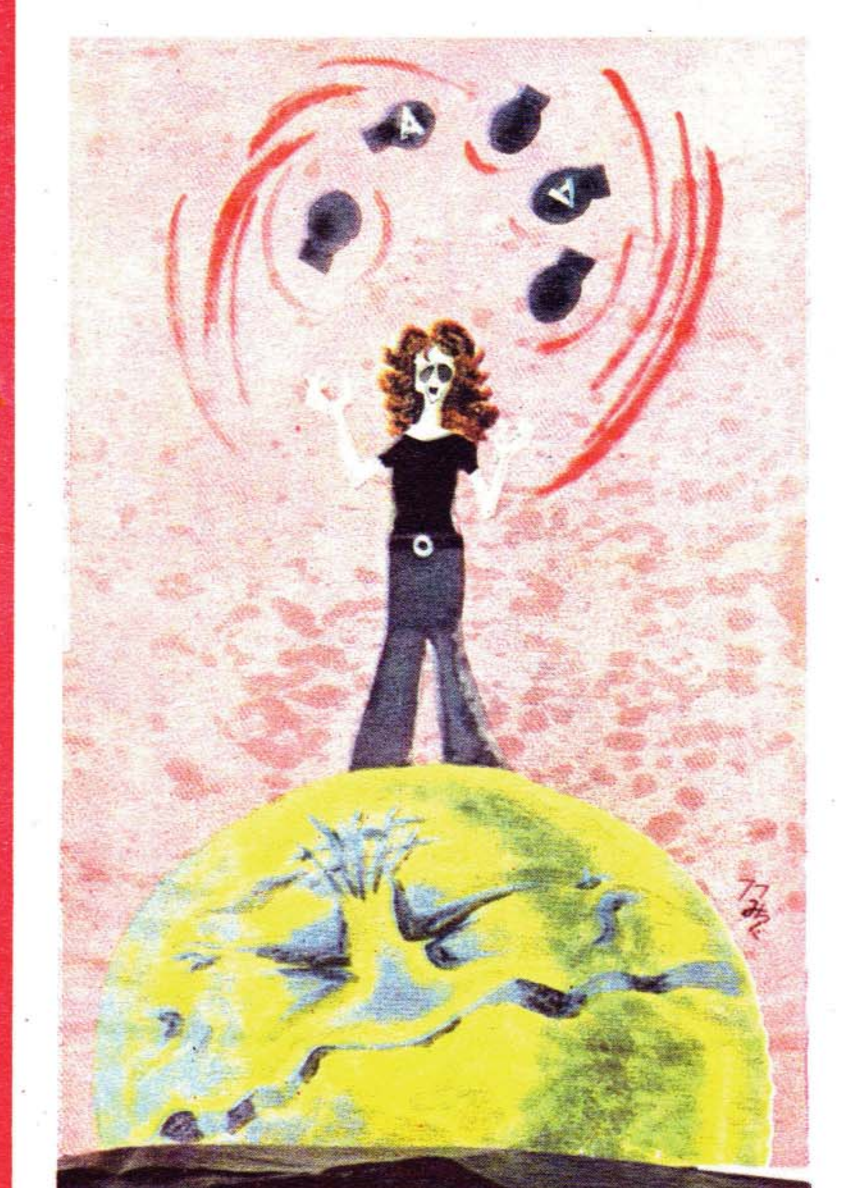
Веслав **ФУГЛЕВИЧ,** *Польша.*

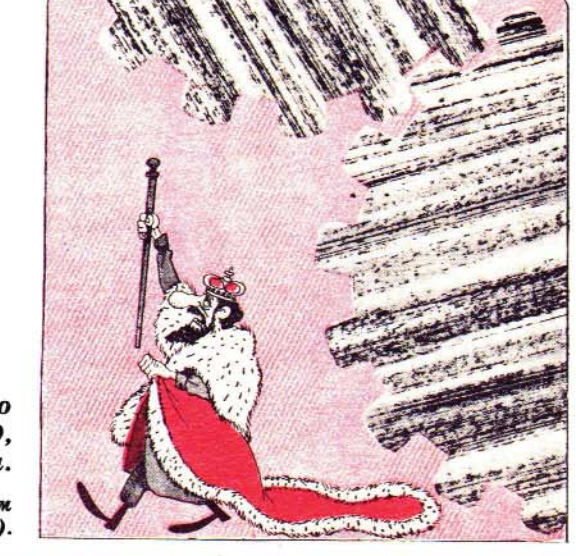
(Памятный диплом Крокодила).



Мицуга КАТАЁРИ, Япония.
(Памятный диплом Крокодила).

Андраш **МЕССАРОШ,** *Венгрия.*

(Специальный приз Крокодила за наиболее оригинальное решение темы).

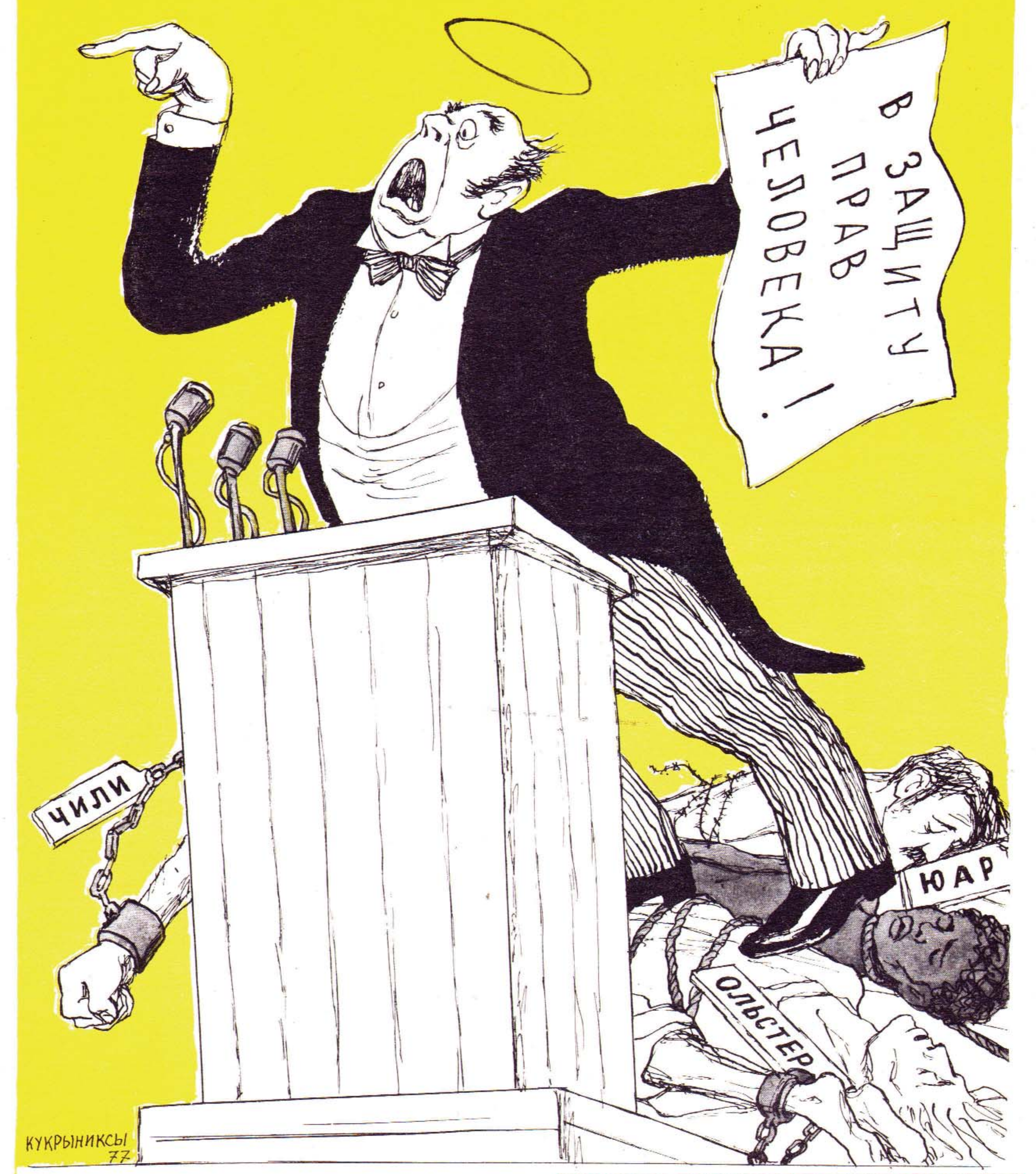


Франсиско **БЛАНКО,** *Куба.*

(Памятный диплом Крокодила).

КРОКОДИЛ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА Индекс 70448 **Цена номера 20 коп.**

КРОКОДИЛ



С «высокой» трибуны...

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА «САТИРА В БОРЬБЕ ЗА МИР»

Благородный труд художников

Советские руководители посетили международную выставку «Сатира в борьбе за мир»

Остановить гонку вооружений, сделать международную разрядку необратимой! Этот благородный девиз определяет яркую публицистическую направленность международной выставки «Сатира в борьбе за мир». В экспозиции, развернутой в залах Академии художеств СССР, представлено около 600 произведений—от газетного рисунка до политического плаката.

Выставка вызывает большой интерес. С творчеством прогрессивных художников из 25 стран уже познакомились многие тысячи москвичей и гостей столицы.

Экспозиция свидетельствует об активной гражданской позиции мастеров изобразительного искусства, выступающих за мир и сотрудничество между народами. Яркое отражение в их работах находят исторические решения XXV съезда, положения и выводы, содержащиеся в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, выдающийся вклад Страны Советов в разрядку международной напряженности. В одном строю борцов за мир выступают известные художники X. Бидструп (Дания) и Ж. Эффель (Франция), О. Харингтон (США) и А. Байер-Ред (ГДР), Карлучо (Куба) и Р. Маринов (НРБ), другие прогрессивные мастера. Большое место в залах выставки отведено работам советских художников-сатириков, в том числе Кукрыниксов, Б. Ефимова, М. Абрамова и других.

Во время посещения выставки. *Фото В. МУСАЭЛЬЯНА (ТАСС).*

Международную выставку 25 марта посетили и с большим вниманием ознакомились с представленными на ней работами товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, М. В. Зимянин, К. У. Черненко, Я. П. Рябов.

Руководителей Коммунистической партии сердечно приветствовал президент Академии художеств СССР Н. В. Томский. При осмотре экспозиции были заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, председатель правления Союза художников СССР Н. А. Пономарев, первый секретарь правления Союза художников СССР Т. Т. Салахов, видные мастера советского изобразительного искусства — М. В. Куприянов, П. Н. Крылов, Н. А. Соколов, Б. Е. Ефимов, Д. А. Налбандян, Ф. П. Решетников.

Товарищ Л. И. Брежнев, другие советские руководители дали высокую оценку экспозиции и пожелали художникам, посвятившим свой благородный труд делу защиты мира, новых творческих успехов в широкой пропаганде темы международной разрядки и сотрудничества.

(ТАСС)

САТИРИЧЕСКАЯ ИНТЕРБРИГАДА

Четыре года — это много или мало?

Пожалуй, ни один мудрец не сможет ответить на этот вопрос даже будучи вооружен теорией относительности и новейшей электронно-вычислительной системой.

Кстати сказать, могут резонно спросить: — А почему вас заинтересовали именно четыре года, а не три или, скажем, пять?

А потому, отвечу я, что именно этот отрезок времени разделяет между собой все три международные выставки «Сатира в борьбе за мир», развернутые в Москве в 1969, 1973 и 1977 годах.

Да, в марте нынешнего года после четырехлетнего перерыва боевая и веселая, гневная и озорная муза Сатиры снова завладела строгими залами Академии художеств Советского Союза и снова плечом к плечу выстроились на очередной смотр оруженосцы этой музы — карикатуристы и плакатисты разных стран и континентов. Их творчество многообразно и разнохарактерно по стилю, манере, индивидуальным и национальным чертам, но крепко и цельно сцементировано единством мысли, чувства и цели, четко выраженным в девизе выставки: «Остановить гонку вооружений! Сделать международную разрядку необратимой!»

Снова, как и четыре года назад, мы встретились с произведениями разящей атакующей сатиры, разоблачающей, высмеивающей, пригвождающей к позорному столбу темные силы реакции, неофашизма и расизма.

Какое богатство сатирических приемов и остроумных сюжетных решений! Какой широкий диапазон саркастического вйдения и убийственной иронии, умения находить точный прицел и наносить без промаха бьющий удар мы видим в ярких работах мастеров Дании и Франции, Монголии и Италии, США и Венгрии, ФРГ и Японии, Кубы и СССР — любой страны, представленной на этом удивительном сатирическом форуме.

В конце тридцатых годов в наш лексикон вошли слова «интербригада», «интербригадовец». Так называли людей различных стран и народов, сплоченно и мужественно выступивших против фашистских разбойников, бесчинствовавших на испанской земле. Мне кажется, что сегодня мы вправе говорить о другой своеобразной «интербригаде», повседневно и беспощадно дающей отпор последышам фашизма и их покровителям из Пентагона и ЦРУ, всевозможным антисоветчикам, провокаторам, «диссидентам» и прочей нечисти, отравляющей международную атмосферу.

Мне думается, что, если для истории последние четыре года — срок небольшой, то вместили они в себя очень много. Сатирики-публицисты едва поспевали за калейдоскопической сменой событий на международной арене, ни на один день не прекращая огня по то и дело возникающим в поле их зрения мишеням. «Бесконечны, безобразны... закружились бесы разны...» Натовские генералы, тоскующие по «холодной войне», расисты Претории и Солсбери, каратели из Ольстера, ястребы Тель-Авива, диверсанты из ЦРУ, вдохновители гонки вооружений из Пентагона, пиночетовские палачи — да разве упомнишь всю эту подлую свору, по которой призваны наносить удары сатирические бичи в руках художников, защищающих мир, социализм, гуманизм, прогресс!

Не следует при этом забывать, что враги мирного сосуществования народов и провокаторы военных конфликтов редко выступают теперь с открытым забралом. Миновали времена, когда гитлеры всех мастей нагло и цинично декларировали свои захватнические намерения. В наши дни империалистические хищники и их подручные стараются прибегать к «миролюбивой» маскировке, прикрывают пушки и бомбы камуфляжем из обветшалых оливковых ветвей и разглагольствованиями о «защитимых границах». Зловещую и опасную возню против международной разрядки они прячут за истошными воплями о прелестях «свободного мира», о «подлинной демократии» и «защите прав человека», старательно отравляя международную атмосферу запуском протухших антисоветских уток.

В том и состоит поэтому роль и обязанность политической сатиры, чтобы срывать маски с врагов мира и разрядки, обнажать их подлинное лицо, беспощадно разоблачать их попытки натягивать более или менее благопристойные покровы на свои подлые дела. Вспомним удивительно точное определение А. М. Горького: «Внутреннее безобразие весьма часто и очень искусно прикрывается внешним благообразием. Острый и меткий глаз карикатуриста отлично умеет вскрывать эти противоречия внутреннего и внешнего». Международная сатирическая выставка 1977 года явилась еще одной прекрасной и эффективной проверкой этого замечательного умения карикатуристов.

Интересно отметить, как перекликаются на выставке некоторые сатирические мотивы в произведениях карикатуристов разных стран. Это, мне кажется, свидетельствует о замечательной общности идейных позиций. Когда совпадают в решении каких-то сюжетных образов рисунки сатириков Монголии и Румынии или Кубы и Анголы, то разве это не говорит о единой боевой направленности сатирического фронта, о замечательном творческом единстве карикатуристов-«интербригадовцев»?

Сатирическая выставка в Москве имела большой и заслуженный успех у многочисленных зрителей, заполнявших залы Академии художеств. А самой дорогой наградой и наиболее волнующим моментом для участников выставки «Сатира в борьбе за мир» стало посещение ее советскими руководителями во главе с неутомимым борцом за мир во всем мире, Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым.

Они дали экспозиции высокую оценку и пожелали художникам, посвятившим свой благородный труд делу защиты мира, новых творческих успехов в широкой пропаганде темы международной разрядки и сотрудничества.

Можно не сомневаться, что художники политической сатиры приложат все силы своего мастерства, таланта и вдохновения, чтобы оправдать внимание к их творчеству и оказанное им высокое доверие.

Бор. ЕФИМОВ
Народный художник СССР

САМОЕ, САМОЕ...

Святослав СПАССКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

О ВРАЖДЕ И ДРУЖБЕ

Узкая полоса берега между Каспием и Кавказским хребтом. Дербент. В добрые старые времена были модны здесь конные, верблюжьи и пешие путешествия с целью потрепать по возможности соседа, попользоваться его накоплениями, умыкнуть при случае шемаханскую красотку царских кровей. Скифы, неразумные хазары, персы, арабы, турки-сельджуки, Чингисхан...

Надоедали разбойные шляния кого ни попадя по каспийским пляжам, и вот строится всему миру известная дербентская крепость Нарын-кала со стоп-стенами от гор и до моря. Кто строил? По легенде, Александр Македонский (хотя наукой установлено, что он и духом не бывал на Кавказе). Далее предание гласит, что восстанавливал цитадель персидский царь Йездигерд Второй, а позже — Министерство культуры РСФСР.

Прямо скажем, что темпы последнего намного ниже йездигердовых. Впрочем, куда торопиться? Ни скифов, ни хазар не предвидится. Клад для ученых и туристов, крепость эта, с одной стороны, знаменитая. И забытая, с другой стороны.

Бывает и так.

●

Ученые считают: Дербенту 2500 лет. Патриоты города накидывают сверх еще двести. Самый-самый древний и самый-самый южный город Российской Федерации еще и самый-самый разнонациональный. Живет тут и трудится около шестидесяти народностей. Чтобы понять, как эти шестьдесят решают промеж себя извечный национальный вопрос, можно, например, зайти на фабрику имени XXIII съезда КПСС. Выпускает фабрика экзотичную продукцию, глубоко связанную корнями с прошлым дагестанских народов: ковры ручной выделки, паласы, дорожки.

В Иране ковроткачеством заняты мужчины, тут — исключительно женщины. Традиция. Даже директор фабрики Нинель Дмитриевна Леонова — и та женщина. Настроение у Нинель Дмитриевны неплохое: многих хороших показателей достигла фабрика, предприятие коммунистического труда. Славятся дагестанские ковры, по Союзу Дагестан занимает первое место. О процентах: шестьдесят процентов ковров экспортируется, двадцать пять процентов изделий имеет Знак качества. Сто процентов ковровщиц — красавицы (последнее субъективно, но объяснимо: производящий красоту несомненно хорошеет и сам).

Дербент по-персидски означает «Закрытые ворота». Теперь ворота открыты для всех, даже для этих «завоевателей».

Квадратный метр в месяц ткет ковровщица. Мало? Так ведь шестьсот тысяч узелков. Понять, как вяжутся они, невозможно: пальцы порхают у станка так споро, что самый глазастый не уследит, поможет разве что замедленное кино.

В патриархальную старину готовый ковер выбрасывали во двор, чтобы валялся в пыли и грязи, чтобы топтались по нему стар и мал, кони и собаки. Не пренебрежение это и не тщеславие: уплотнялся ворс, ярче становились краски. Сейчас ковер на улицу не выбросишь, живо подберут. Поэтому химики ищут способы искусственного старения ковров. Это входит в комплекс борьбы за качество, и еще много чего делается: тройной контроль, конкурсы, конференции, почетные призы и звания. Не забывают и о количественных показателях: по идее ударниц коммунистического труда, кавалерок ордена Трудового Красного Знамени табасаранки Тамал Гасановой и горской еврейки Наамо Гавриловой развернулось движение за выполнение двухлетнего плана пятилетки уже к 1 сентября, в честь юбилея Великой революции.

Не отстают от подруг лезгинка Зарият Алибутаева, ткач паласного цеха, депутат горсовета, бригадир комсомольско-молодежной бригады, табасаранка Пири Пирмагомедова, создатель «лучшего ковра 1976 года», азербайджанка Баладер Гюльмагомедова, лауреат конкурса на звание «лучший молодой ткач 1976 года», русская Елена Иваненко, ткачиха-наставница паласного цеха, чья фамилия красуется на Доске почета.

Они напоминают арфисток. И их пальцы рождают тончайшие мелодии узора.

Со стороны трудно представить, что дает горянке приход на фабрику. Коллективный труд. Дружба. Учеба в техникумах и вузах. Научная организация труда. Клубы, детсад. Вечера отдыха. Самодеятельность. Победители соревнования награждаются бесплатными турпутевками. И еще немаловажное: ковровщицы считаются особо завидными невестами. Не какая-нибудь неумеха, с квалификацией человек.

А как же с национальным вопросом? А никак. Нет его, этого пресловутого вопроса. Люди здесь ценятся по труду, а не национальной принадлежности. Мало того что дружат между собой, так еще и в международном плане крепкую дружбу завели. С коллегами болгарской фабрики «Родопские ткани».

И свадьбы — еще одно доказательство. Кто только на ком не женится: ногаец на лезгинке, даргинец на лачке, русская выходит за аварца...

●

На заднем дворе фабрики мне предложили испытать опытный образец совсем новой продукции — ковра-самолета. Я уселся в центр голубого квадратного коврика, он взмыл в небо, и не успел я сказать «Ух ты!», как очутился в Москве, у окон редакции «Крокодила». За окном маячил силуэт ответственного секретаря. Я поцарапался в стекло:

— Леша, это я. Я прилетел.

— Ну, зачем же врать,— укоризненно сказал секретарь,— ведь ковров-самолетов не бывает.

— Это не вранье,— возразил я.— Это просто буйная фантазия.

— Материал нужен в номер,— заворчал он,— а ты тут развлекаешься.

Пришлось идти на посадку.

г. Дербент.

Продукция фабрики охотно раскупается.

> «...Нередко проявляется узковедомственный и местнический подход к решению хозяйственных вопросов».
> (Из материалов XXV съезда КПСС.)

ПЯТИЛЕТКА СТАВИТ ВОПРОС

В. КАНАЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

КОГДА ТРУБА НА ВСЕХ ОДНА...

Директор Усть-Каменогорского завода древесноволокнистых плит (ДВП) В. Л. Мирошниченко стоял на краю огромной ямы и озабоченно смотрел на впадающий в нее мутный ручей.

— Промстоки нашего завода,— вздохнул он.— А когда яма наполнится, нам придется прекратить выпуск плит... Яма, как видите, глубокая. На 110 тысяч кубов,— по-хозяйски объяснял мне директор,— годик она еще послужит. А там...

К нам подошел директор соседнего арматурного завода А. Ф. Курочкин и с завистью поглядел на яму.

— А у нас такой нет,— жалобно сказал он,— не хватило у нас денег на такую яму, а завод уже сдаем государственной комиссии. Как только примет — повесим на заводские ворота замок. Промстоки-то сливать некуда!

— Странно! — удивился я.— Неужели вместо этой ямы ценой в миллион нельзя было выстроить современные очистные сооружения?

— Да они уже должны быть готовы! — прижал руки к груди директор арматурного завода.— Одни на всех, и с общей коллекторной трубой!

Оказывается, когда в Усть-Каменогорске началось строительство сразу нескольких предприятий, горисполком предложил им сообща соорудить единую очистную систему. Это было выгодно и разумно. Все единодушно одобрили идею. Каждому пайщику был определен размер его доли.

— Правда, неплохо придумано? — спросил меня директор арматурного.— И вдруг, когда мы уже положили деньги на бочку, товарищ Мирошниченко потребовал свой пай обратно.

— Я предугадывал, что мы останемся с носом,— оправдывался тов. Мирошниченко,— и решил создать собственную очистку.

Тут начался жаркий спор на тему, кто виноват.

— Ссорой дела не поправишь,— примирительно сказал я.— Может быть, вы остались на бобах именно из-за несогласованности.

— Потом-то я вернул деньги в общий котел,— продолжал тов. Мирошниченко.— А сейчас дело застопорилось по вине директора комбината шелковых тканей.

— Что верно, то верно,— поддержал коллегу тов. Курочкин.— Этот коварный Тимофеев начисто прекратил работы по трубе.

Обвинять человека в его отсутствие было неэтично, и я предложил двум директорам встретиться с третьим. Встреча состоялась. Но на все яростные нападки В. Я. Тимофеев невозмутимо ответил:

— На то была министерская воля. Мне приказали свернуть строительство трубы, я и свернул...

...Возвратясь из командировки, я первым долгом зашел в Министерство легкой промышленности СССР, к заместителю начальника главка капстроительства Н. В. Попову.

— Я только что из Усть-Каменогорска,— сказал я,— хотелось бы узнать...

— ...почему заморожена прокладка коллекторной трубы? — догадался Н. В. Попов.— Да просто она нам пока не нужна. Поначалу мы, правда, весьма рьяно взялись за дело: ведь наш комбинат уже давно должен выпускать шелковые ткани. Но потом, знаете ли, возникли различные трудности, срывы сроков пуска, то да се... Поэтому зачем нам спешить с этой трубой, если до пуска комбината еще далеко?

— Но вы подводите остальных трубопайщиков! — воскликнул я.

— Конечно, их где-то по-человечески жалко,— вздохнул тов. Попов.— Но интересы министерства для нас...

И я понял. Если труба общая, а интересы разные, то дело «труба».

Усть-Каменогорск—Москва.

З. ИГОРЕВ

УВОЛЬНЕНИЕ НАГЛЕЦА

Картинка с натуры

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ХАМРИЧКО — директор НИИ, профессор.
ПРОНИН — заместитель директора по науке. (Постоянно чем-то озабочен.)
КИСЛОВА — начальник отдела патентов. (Глубокое декольте.)
УПЕСИН — начальник мастерских. (Скорбная улыбка.)
ТУДЫСЮДЫКИН — начальник КБ.
ФЛЮГЕРЕВИЧ — конструктор НИИ.
БИЛИБИН — изобретатель.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Хамричко, Пронин, Кислова, Упесин, Тудысюдыкин.

ХАМРИЧКО. Недавно Билибин отхватил кругленькую сумму за изобретение, и вот еще одна заявка от него на новый прибор. Что это за прибор такой?

ПРОНИН. Осмелюсь доложить. Прибор уникальный. Продлевает службу промышленных установок, очищает окружающую среду от вредных выбросов. Семь стран уже купили патент. Наша промышленность готова срочно внедрить его в производство.

ХАМРИЧКО. Он что, один создавал? Один человек не может создать такое! А чем занимались вы?

УПЕСИН. Я разрешил изготовить прибор!

ФЛЮГЕРЕВИЧ. А я перечерчивал схему, внес новшество: более мощную лампочку присобачил, чтоб светлее было...

ТУДЫСЮДЫКИН. А я нес ответственность, контролировал сроки и так далее. Думаете, легко было?

ХАМРИЧКО. Вот видите? Кто еще?

ПРОНИН. Как директор института, вы...

ХАМРИЧКО. Не надо. У меня изобретений и так полно, еле успеваю подписываться. Называйте рядовых представителей научной мысли.

УПЕСИН. Конструктор Ливанов! У него в столе лежали чертежи Билибина.

ХАМРИЧКО. Вот видите, сколько людей вложили свой самоотверженный труд в прибор. Куда смотрел патентный отдел? А деньги получает один Билибин. Разве это справедливо?

КИСЛОВА. Недогляд вышел...

ХАМРИЧКО. То-то... Итак, изобретение коллективное, достояние института в целом, а посему советую расширить авторский состав и вписать в заявку: Упесина, Тудысюдыкина, Флюгеревича, Ливанова, ну и этого самого Билибина. Коллектив — это сила!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Билибин.

ХАМРИЧКО. А, это вы! Тот самый индивидуалист, который, говорят, сделал уникальный прибор?

БИЛИБИН. Он самый...

ХАМРИЧКО. Мы тут посоветовались и решили. Вам одному, без коллектива, не под силу было выполнить такую работу. Многие сотрудники помогали вам, не считаясь со временем и силами. Вы же подали заявку только от себя... Стыдно, товарищ Билибин! Вот тут у меня ряд фамилий...

БИЛИБИН. Позвольте, но ведь они никакого отношения к изобретению не имеют!

ХАМРИЧКО. Учтите, если вы не хотите расширить авторский коллектив, то он обойдется без вас.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кабинет директора. Входит взволнованный Пронин.

ПРОНИН. Распустился Билибин, пошел против коллектива, грозится в суд подать!

ХАМРИЧКО. Подумаешь! Пусть другие авторы подадут заявку на это изобретение от себя.

ПРОНИН. Они же не знают, что писать в заявке!

ХАМРИЧКО (раздраженно). Тогда уволить Билибина — и все!

ПРОНИН. Характеристика у него — не подкопаешься. Лаборатория за него горой. Семь патентов имеет! Статьи в печати...

ХАМРИЧКО. А вы подведите под него научную базу. Мне вас учить, заместителя по науке?

ПРОНИН. Кстати, тут подоспела переаттестация научных работников. Слушаюсь!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Заседание ученого совета.

ПРОНИН. В характеристике на товарища Билибина одна фраза меня настораживает: «...выполняет работы на высоком инженерно-техническом уровне». Простите, нам надо аттестовать товарища не как инженера, а как научного работника. Вот протокол семинара лаборатории: «...учитывая важность проделанной работы, необходимо усилить проведение дальнейших исследований». А что значит «усилить»? Я это понимаю так, что вы, товарищ Билибин, исследованиями совсем не занимались...

БИЛИБИН. Мною за последнее время написано три научных отчета, опубликована большая статья, получено два авторских свидетельства. Мои изобретения дали большой экономический эффект!

ПРОНИН. Тем более научным сотрудником вас считать нельзя. А инженеры нам не нужны. Так что увольняйтесь лучше сами. Кто за то, чтобы не аттестовывать Билибина?

Члены совета поднимают руки.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

В кабинете Хамричко, Пронин и Упесин.

ХАМРИЧКО (зло). Вы только посмотрите, что написал этот тип: «Я проработал в НИИ восемь лет, у меня хорошие отношения с коллективом лаборатории, я люблю свою работу. Но дирекция насаждает произвол в вопросах авторского права, принуждает к соавторству, не считаясь ни с законами, ни с моральной этикой. Прошу уволить по собственному желанию».

ПРОНИН. Гнать его в шею по собственному...

УПЕСИН. Да вот одна закавыка. Тут заявка пришла на билибинский, то есть наш, прибор. Очень просят 20 штук отгрузить. А где их взять?

ХАМРИЧКО. Помощь производству — дело святое. Хотя бы штуки три осилите?

УПЕСИН. Без Билибина вряд ли... Черт его знает, как прибор фурыкает?

ПРОНИН. Чем же вы занимались?

УПЕСИН. Пожалуй, один прибор соберем, только будет он некомплектным... Один ящик без датчика... И описания нет...

ХАМРИЧКО. Работать хоть будет?

УПЕСИН. Бог его знает. Деньги получим, план выполним и, главное, нос автору утрем!

ХАМРИЧКО. Прекрасно! Таких наглецов учить надо!

Подписывает приказ об увольнении Билибина.

ЗАНАВЕС.

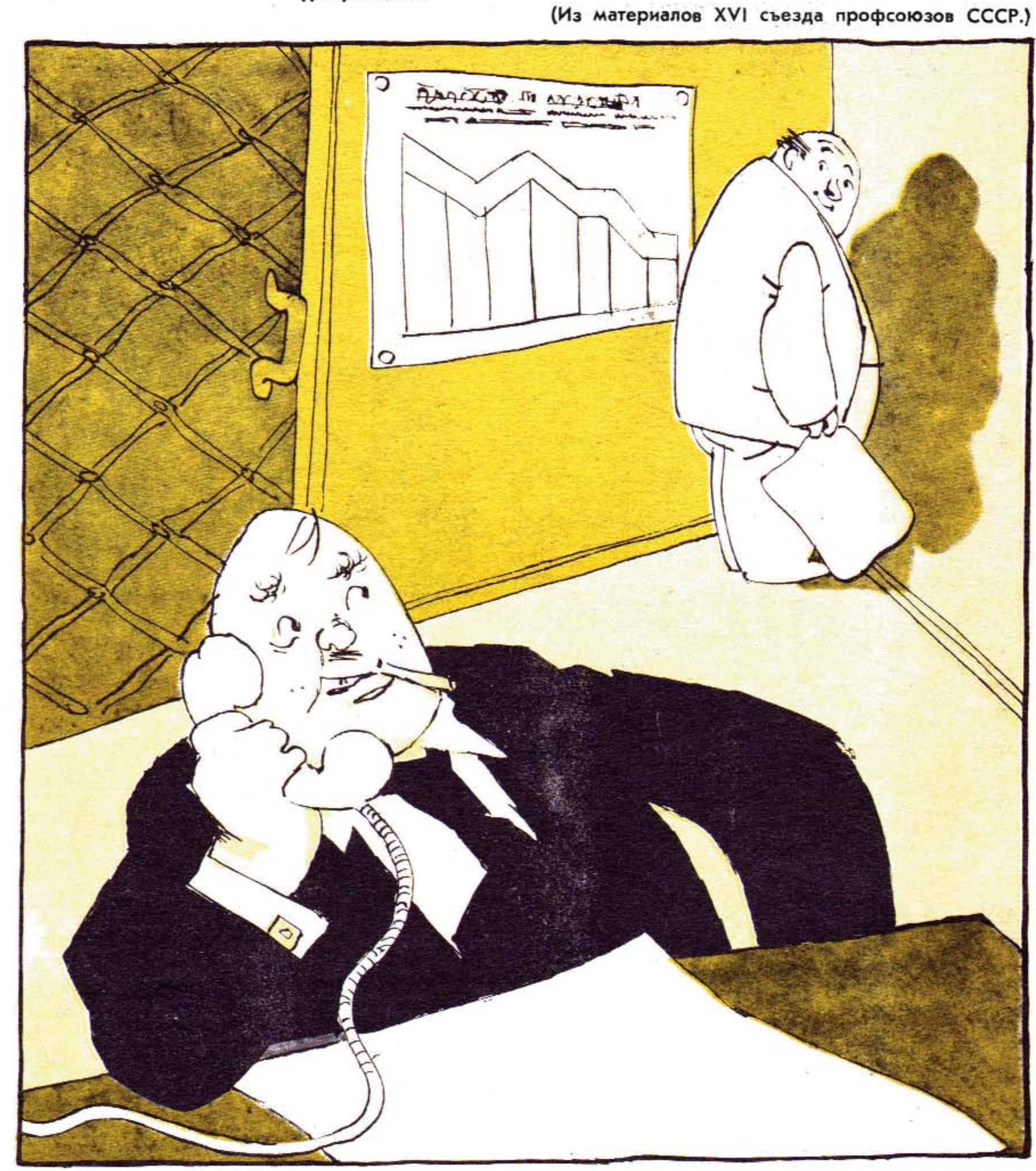
Вот какая история произошла в одном из НИИ. Меры уже, как говорится, приняты, порочная практика «примазывания» к чужому труду осуждена. Однако мы все же решили рассказать о ней в назидание другим. Фамилии героев, поскольку они уже наказаны, мы изменили.

> «В ходе соревнования выявляются не только передовики, победители, но и отстающие».
> (Из материалов XVI съезда профсоюзов СССР.)

— Что он так тихо?
— Голос сорвал, когда брал обязательства...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

> «Еще одна большая область работы...— это укрепление трудовой дисциплины».
> (Из материалов XVI съезда профсоюзов СССР.)



— Факты подтвердились. Меры приняты. Виновник наказан.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

Мих. КАЗОВСКИЙ, дежурный по «Вилам в бок!»

ДЫМ ОТ СИНУСОИДЫ

— Можно,— спрашиваю,— заносить?

— Куда? — не понимает редактор.

— К вам в кабинет, разумеется. Боюсь только, в двери не влезет, придется стенку ломать... Ну-ка, ребята, осторожнее... Помалу, помалу...

И двое рабочих вкатывают мое изобретение.

— Для чего нам холодильник? — сердито говорит редактор.

— Это вовсе не холодильник,— отвечаю.— Это ВВБ-77.

— В каком смысле?

— В прямом. «ВИЛЫ В БОК!» новейшей конструкции. Сплошные интегралы, синусоиды и кванты. О лазере слышали?

— Читал...

— Вот. Использован в моей конструкции. Если раньше Крокодил орудовал примитивными вилами, то теперь будет шуровать лазерным лучом. Представляете?

— Смутно.

— Тогда дайте любое письмо. Из сегодняшней крокодильской почты. Будем проводить эксперимент.

— А это не опасно? — спрашивает редактор, передавая мне письмо и отодвигаясь на всякий случай в дальний угол кабинета.

— Почти смертельно. Я имею в виду бюрократов, халтурщиков и стрекулистов.

Закладываю в ВВБ конверт, нажимаю клавишу управления, и через три секунды экран аппарата вспыхивает надписью:

> **За плодотворное приобщение зрителей к истории кино вынести БЛАГОДАРНОСТЬ работникам кинотеатра имени ВЛКСМ города Макеевки, Донецкой области.**

— Что-то я не совсем понимаю,— говорит редактор.— Это шутка?

— Берите выше,— отвечаю.— Убийственная ирония. Ведь в кинотеатре имени ВЛКСМ что делают? Заставляют всех приобретать вместе с билетами информационный сборник «Новые фильмы».

— Новые? А при чем здесь тогда «история»?

— А при том. 1 января нынешнего года жителю Макеевки Алексею Шамрину продали сборник двухлетней давности! И посмотрите, что Алексей сообщает в своем письме дальше. Покупал он в городе Ельце на вокзале железнодорожный билет. И в кассе у Шамрина потребовали выложить на полтинник больше, чем положено. «Простите, но за что?» — осведомился Алексей. «За сервис,— ответили ему.— А точнее, за предварительную продажу».

— А продажа в самом деле была предварительной?

— В известном смысле да. Потому что поезд отправлялся не в ту же секунду, а через целых пять минут!.. Посмотрим, как теперь отреагирует ВВБ-77.

Я запускаю вторую половину письма Алексея Шамрина в свой аппарат, и мы читаем на экране:

> **За повышенную заботу о пассажирах присвоить звание «ПОЧЕТНЫЕ РЕАЛИЗАТОРЫ» работникам вокзала в городе Ельце, реализующим сверх всякой меры квитанции предварительной продажи билетов.**

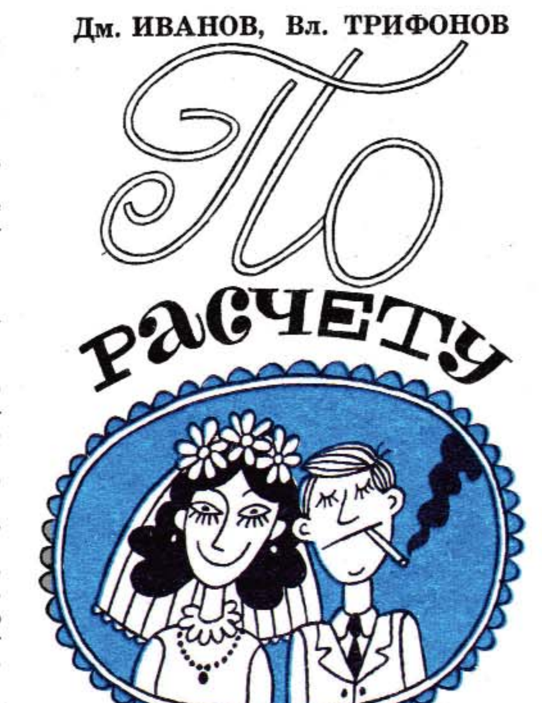
— Вы знаете,— улыбается редактор,— в вашей конструкции что-то есть! Нет, честное слово, она мне начинает нравиться. Можно еще одно испытание?

— Хоть дюжину!

— Прекрасно! Давайте заложим в машину вот это...— И он протягивает мне толстую бандероль.— От двух подружек — Ольги Лебедок и Аллы Ложкиной, которые живут в Кировграде, Свердловской области. Эти девушки больше всего на свете любят современные песни. И вот как-то послали они на Гомельскую студию звукозаписи заказ. С просьбой выслать пластинки с модными песнями. Наложенным платежом. И точно: платеж был наложенный — четыре рубля тридцать копеек.

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ

По расчету



Рассказ

С некоторых пор Ступишину просто невозможно стало спокойно покурить на работе. Едва он выходил на лестницу и притулялся возле большой пепельницы, обязательно являлся кто-нибудь из его отдела.

— Ой, Ступишин,— заводил этот кто-нибудь, одолжившись сигаретой,— ты посмотри на себя. Ну, честно говоря, что в тебе хорошего? На вид ты плюгавый. Ума не выдающегося. На службе звезд с неба не хватаешь. Разве в таких влюбляются? Таких же не любить — таких жалеть только можно.

Ступишин отмалчивался и только яростнее затягивался. А тут, как назло, подходил еще кто-нибудь.

— Подумай, Ступишин,— говорил этот второй кто-нибудь, одолжившись спичками,— и так-то нельзя сказать, что у тебя жизнь в огнях и цветах, верно? А тебе еще брак по расчету угрожает. Двойная петля!

Ступишин торопливо задавливал сигарету, но кто-нибудь третий все же успевал ему сказать:

— Ой, остерегись, Ступишин! Она хочет выйти за тебя из-за денег!..

Сослуживцы, разумеется, шутили. Может, не очень остроумно. Но им как-то хотелось намекнуть Ступишину, что та бешеная сумма, которую он дуриком выиграл в «Спортлото», не принесет ему счастья. По простоте душевной, столь свойственной невыигравшим людям, сослуживцам Ступишина чудился какой-то вакхический пикник в зеленой роще по Рублевскому шоссе или на худой конец товарищеский ужин в ресторане.

Но Ступишин сразу же положил весь выигрыш на сберкнижку, не оставив свободной мелочи даже на кружку пива. Вот сослуживцы и попугивали его по-дружески.

Но Ступишин затосковал всерьез. Дело в том, что не так давно, прея над квартальным отчетом, он вдруг с ужасающей ясностью ощутил, что у него, в сущности, нет никаких надежд оставить потомство. И, подстегнутый этой мыслью, он обратил свой взор на счетовода Зою Павловну, еще сохранившую какую-то свежесть в их насквозь прокуренной конторе. Зоя Павловна поначалу несказанно удивилась, но после тоже стала бойко стричь из-за арифмометра глазами в сторону Ступишина.

Теперь Ступишин, сопоставив в уме сроки, вдруг пришел к выводу, что это пробуждение взаимности фатальным образом совпадает с его лотерейной удачей. «Так что сослуживцы были, похоже, недалеки от истины»,— подумалось ему. И с той поры редкие поцелуи, перепадавшие ему от Зои Павловны, как бы отдавали полынной горечью.

Сослуживцы продолжали попугивать Ступишина уже без интереса, а больше по инерции. И вот на очередном перекуре Ступишин дрогнул.

— Как же теперь? — угрюмо спросил он.— Теперь назад хода нет. Я ведь и с папой ее уже познакомился и с дядьями.

— Тоже невидаль — дядья! — засмеялись ему в ответ.— Главное, расстаться красиво. Чтобы претензий не было. Чтобы в треугольник не жаловалась, если даже у вас далеко зашло. Лучше всего в таком разе заткнуть рот каким-нибудь ценным подарком. Это вроде отступного будет. И после — ни слова, ни взгляда! Она сама поймет, что вы порвали. Такие акулы догадливые!..

И Ступишин, помаявшись, снял-таки с книжки приличную сумму. Целую неделю после работы он кружил по магазинам, пока, наконец, неожиданно для самого себя не купил какую-то дурацкую антикварную вазу с драконами и лилиями. Такую большую, что в ней если и не каждый мог принимать ванну, то уж пáрить ноги — наверняка.

— Зачем это? — спросила Зоя Павловна, когда Ступишин явился к ней на квартиру со своей фарфоровой бадьей.

— На память!..— пробормотал Ступишин и, побагровев, кинулся вниз по лестнице.

Утром он сказал сослуживцам:

— Все. Сделано.

— Вот это по-мужски! — ответили ему.— Узел надо рубить, а не тянуть резину!

Но Зоя Павловна, как видно, ничего не поняла. Она все истолковала превратно. Она застелила ступишинский стол свежей фиолетовой бумагой, а в стаканчик для карандашей поставила веточку багульника. И как Ступишин ни уклонялся от ее горячих ласковых взглядов, как ни делал вид, что все кончено, разрыва явно не получалось.

— Поскупился, значит! — перемигиваясь, заявили сослуживцы растерянному Ступишину.— Стало быть, недооценил запросов. Тут, Ступишин, скаредничать нельзя. Не тот случай.

И Ступишин внял. Когда за тройную цену он раздобыл желтый кухонный столик, Зоя Павловна повисла у Ступишина на шее и радостно закричала:

— Не может быть!

— Может, может,— сказал Ступишин, даже не подозревая, каким он окажется провидцем.

И действительно, было все.

Был палантин из шкурок полевых мышей, купленный Ступишиным в подворотне возле комиссионного магазина. Палантин уменьшил сумму вклада на ступишинской книжке ровно вдвое.

Была стиральная машина, транзисторный приемник, кабинетные часы, вызванивавшие «Ах, мой милый Августин!». После них ступишинскую сберкнижку в кассе уничтожили, так как на ней не осталось ни копейки.

Был ореховый шкаф площадью с однокомнатную квартиру. Его Ступишин приобрел уже с помощью другой кассы. Кассы взаимопомощи.

Были невероятные туфли из породы ортопедической обуви, с этикеткой «Карьера девушки» на английском языке, купленные Ступишиным на подаяния добрых знакомых.

Был цветной телевизор. На него Ступишин наскреб денег, продав кое-что из личных вещей на воскресной барахолке.

Все было. Не было только долгожданного разрыва.

И вот однажды утром, когда Ступишин ломал себе голову над проклятым вопросом, чем бы еще попробовать откупиться, он вдруг окинул взглядом голые стены своего холостяцкого жилища и сказал сам себе: стоп!

А потом он принарядился в свой единственный костюм и, сорвав по дороге на клумбе георгин, отправился в дом, набитый купленными им вещами, отправился к Зое Павловне делать официальное предложение.

Ступишин, конечно, понимал, что женится по расчету. Но другого выхода у него теперь не было.

— А песни?

— И песни тоже были. Только вот кто записан на пластинках — Магомаев, Сличенко или директор студии звукозаписи у тещи на именинах, утверждать трудно... Теперь эти пластинки вполне заслуженно попали в «Крокодил». А что скажет ВВБ-77?

ВВБ откликается:

> **За распространение среди молодежи ультрасовременных звуков НАГРАДИТЬ работников Гомельской студии звукозаписи комплектом пластинок их собственного производства.**

— Замечательно! — говорит редактор.— А как вы думаете, с более запутанными делами эти модернизированные «ВИЛЫ В БОК!» сумеют справиться?

— Минуточку,— отвечаю,— только переключу электронную подсветку на повышенную колкость... Вот теперь извольте! В чем суть вопроса?

Редактор достает из ящика письменного стола кипу бумаг.

— Это наша переписка с гражданкой Чувардиной из города Минусинска.. Ей продали телевизор «Рекорд-330» с нагрузкой.

— Как? — удивляюсь.— Уже и телевизоры начали продавать с нагрузками?

— В некотором роде. Просто на экране «Рекорда» в качестве нагрузки имелась узенькая полоска. Возникавшая при включении. Ну, сначала на нее никто и внимания не обращал. А потом она превратилась в широкую полосу. И гражданке Чувардиной пришлось обратиться в ателье.

— Но мастер не пришел,— догадываюсь я.

— Нет, ну что вы! Теперь мастера ходят исправно. Просто этот телеумелец сказал: «Тут, бабка, наука и техника бессильны». «Это как же понимать?» — ахнула минусинка. «А вот так и понимай. Вышка в Москве качается. Останкинская. Оттого и изображение елозит». С этими словами дока взял деньги за посещение и убыл.

— А гражданка Чувардина?

— А она принялась бегать по мастерским, редакциям, исполкомам... Местная газета «Искра» напечатала фельетон в ее защиту. Райисполком обещал помочь. Даже начальник отдела качества управления бытобслуживания населения Красноярского крайисполкома тов. Севрюков лично засвидетельствовал неисправность телевизора...

— И что?

— А ничего. «Рекорд» установил своеобразный рекорд: никто не может починить его вот уже пять лет!

— Немедленно в ВВБ! — кричу я.

И экран загорается:

> **Установить телевизор гражданки Чувардиной в управлении бытобслуживания Красноярского крайисполкома в качестве ПАМЯТНИКА чуткости и вниманию к жалобам трудящихся.**

— Ну и достаточно,— говорю.— Надо сделать короткий антракт. А то смотрите, как мои «ВИЛЫ В БОК!» от всего от этого раскалились. Как бы не полетели туннельные диоды!

В ответ брови редактора образуют просительную складочку:

— А мы подберем что-нибудь простенькое, рядовое... Ну, вот хотя бы это... Место действия — столичный автобус № 167. Время действия — 17 января 1977 года. Действующие лица: Валентина Георгиевна Соловьева, работник 247-го отделения связи и контролер 7-го автопарка, пожелавшая остаться неизвестной.

Редактор протягивает мне письмо, и я продолжаю с ним знакомиться самостоятельно:

— Так, так... Встав на пути Валентины Георгиевны, контролер важно произнесла: «Ваш билет?!» Гражданка Соловьева предъявила служебный проездной. «Чем подтвердите, что вы сейчас при исполнении и имеете право на этот билет?!» Тогда Валентина Георгиевна молча достала из кармана свеженькие телеграммы, которые нужно было немедленно разнести по адресам. «А почему вы ходите без почтальонской сумки?!» — неторопливо допытывалась контролер. «Мне не нужна сумка»,— пожала плечами Валентина Георгиевна. «Ах, не нужна?! Тогда и билет вам не нужен!!!» — И она конфисковала у гражданки Соловьевой служебный проездной... Теперь слово за ВВБ!

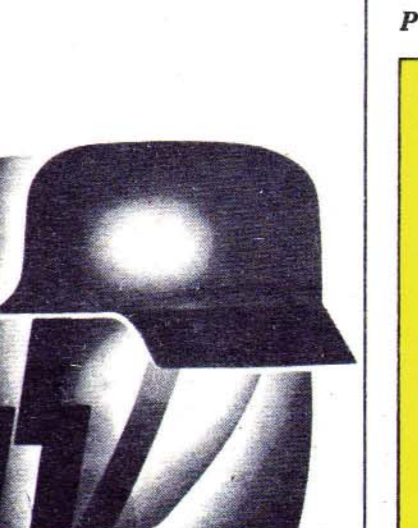
Внутри агрегата что-то скрежещет, звякает, и в кабинете редактора начинает пахнуть перегоревшим трансформатором.

— Ах ты, дьявол! — ругаюсь я.— Не выдержал! Не перенес грубости и неуважения к человеку!

— М-да...— задумчиво произносит редактор.— Казалось бы, закладывали мы с вами в робот обыкновенные факты, а машина возьми и испортись! Что же тогда говорить о людях, которым испортили минуты, часы или, может быть, годы?..

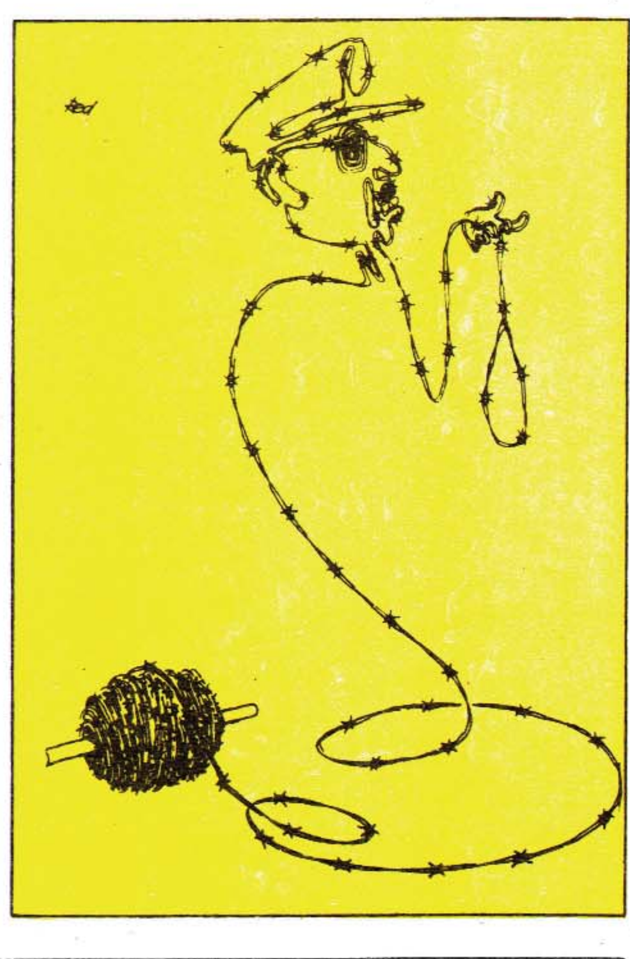
И мы сидим, грустные, а рядом дымится мое кибернетическое детище.

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА «САТИРА В БОРЬБЕ ЗА МИР»



Евгений ***КАЖДАН, СССР.***

(Золотая медаль).



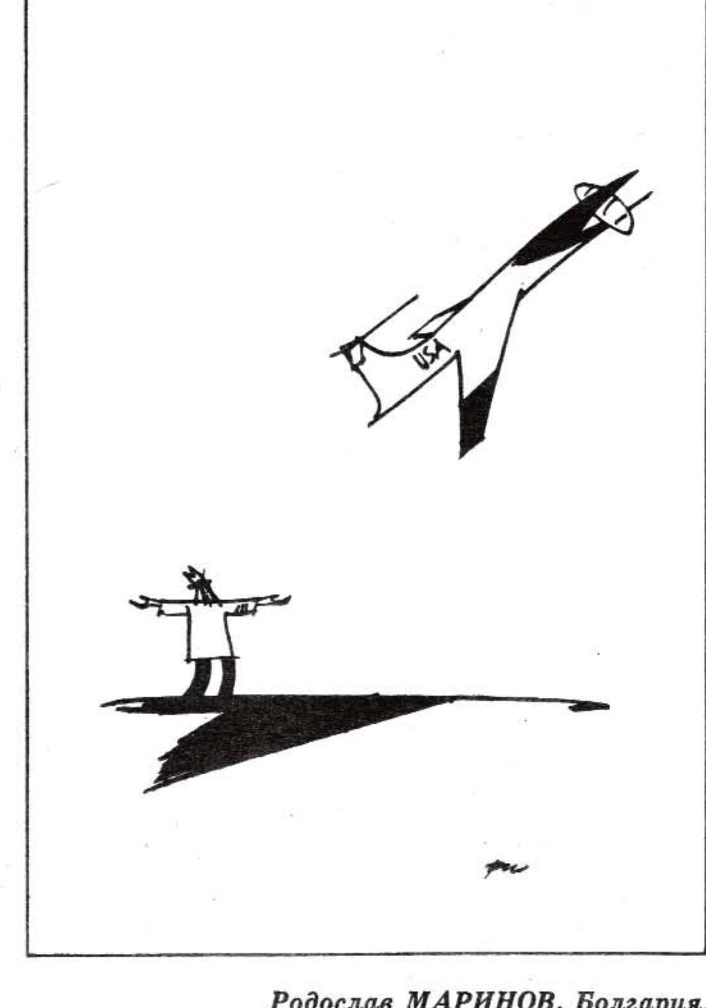
Альфред ***БАЙЕР-РЕД, ГДР.***

РОЛЬ ПИНОЧЕТА. *(Золотая медаль).*

Оливер ***ХАРИНГТОН, США.***

МАЛЕНЬКИЕ «ТУРИСТЫ» БОЛЬШОГО ГОРОДА

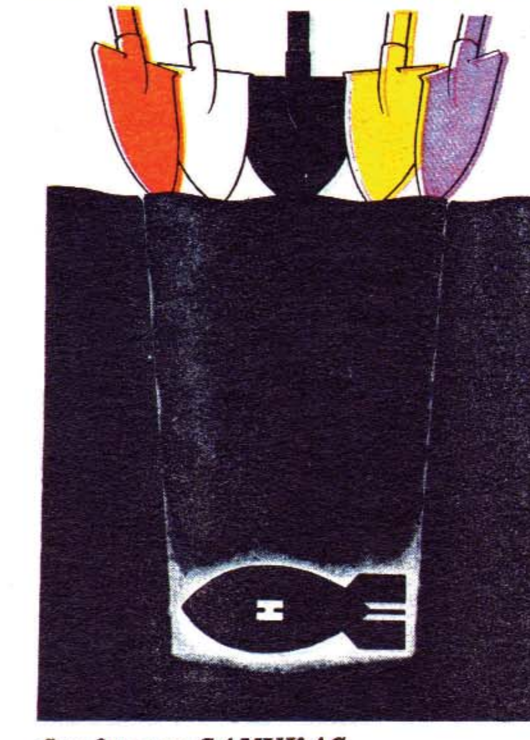
(Золотая медаль).



Родослав ***МАРИНОВ, Болгария.***

СУПЕРВОРОНА. *(Серебряная медаль).*

ВЫСТАВКА
ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
САТИРА В БОРЬБЕ ЗА МИР

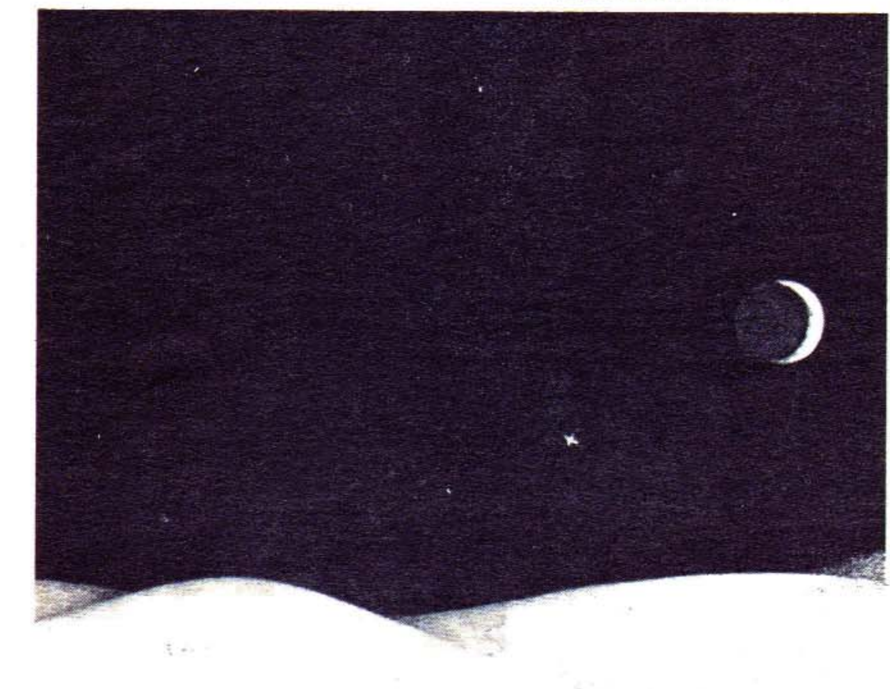


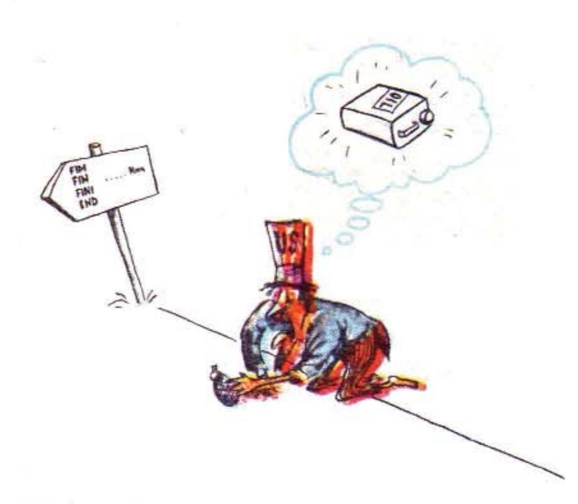
Фридрикас САМУКАС, г. Вильнюс. *(Бронзовая медаль).*

Руи ГАРСАО, Ангола.

БОЛЬШОЙ ЗАБЕГ.

(Серебряная медаль).

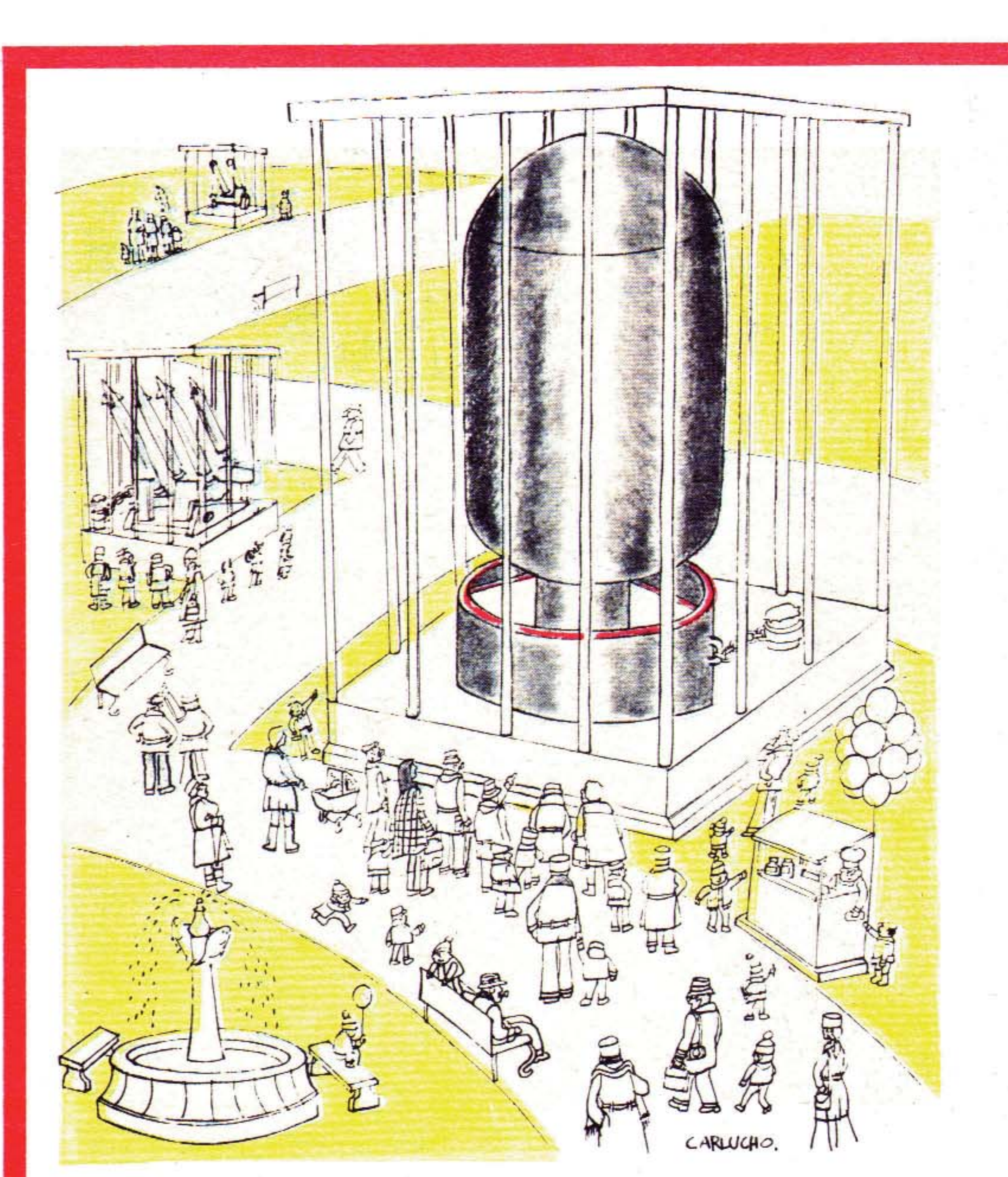




—ОБОЙДЕМСЯ И БЕЗ РАЗРЯДКИ

Жозеф ЕФИМОВСКИЙ, г. Ленинград. *(Серебряная медаль).*

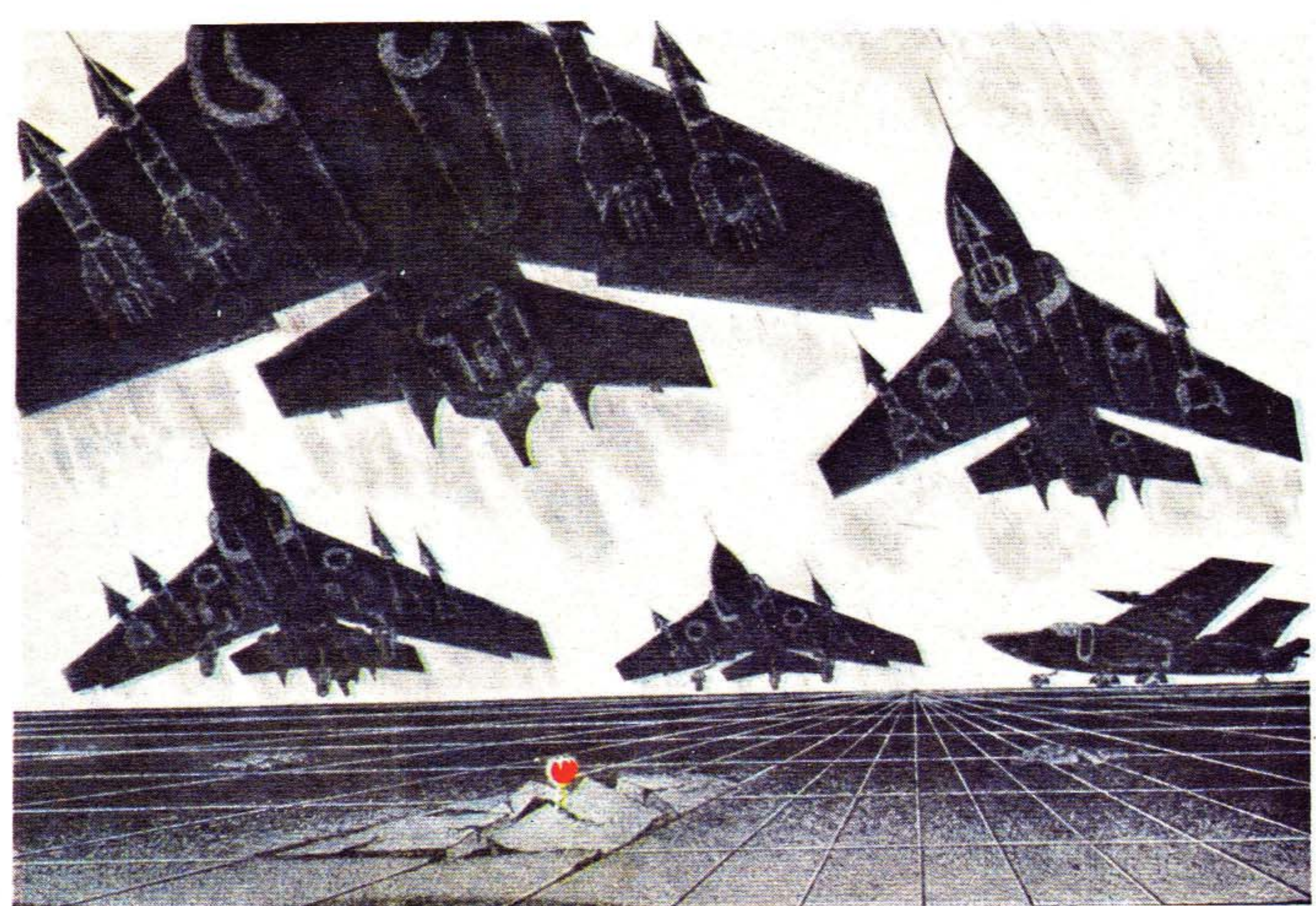
Павел ГЕЙВАНДОВ, г. Душанбе. *(Бронзовая медаль).*



КАРЛУЧО, Куба. *(Серебряная медаль).*

Виктор ЧИЖИКОВ, г. Москва.

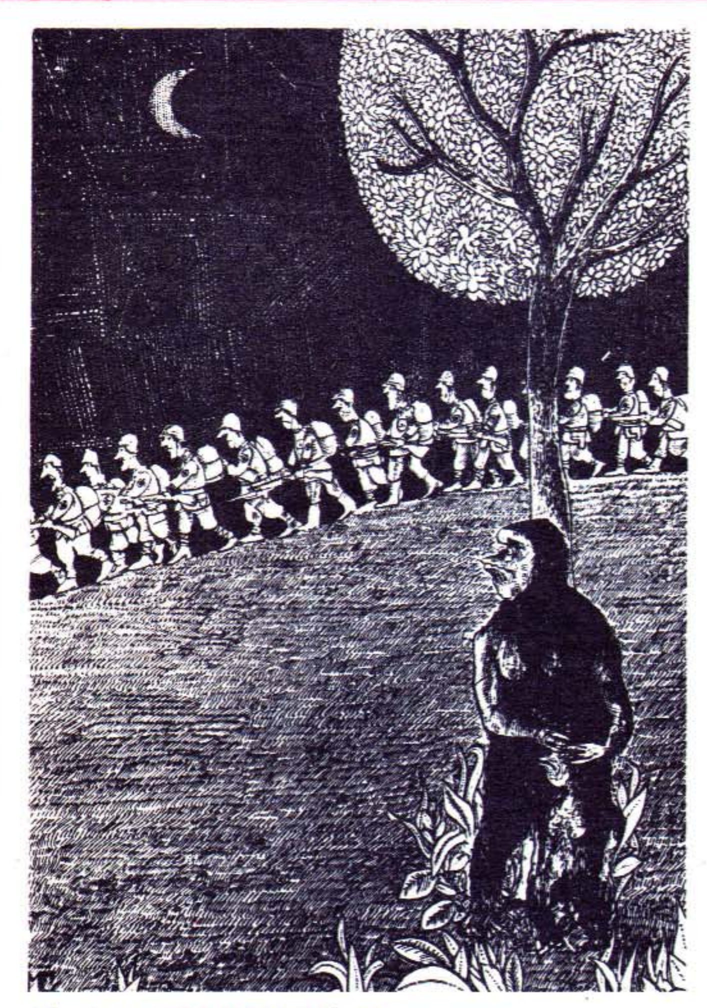
(Бронзовая медаль).



Галина и Валентин КАРАВАЕВЫ, г. Москва.

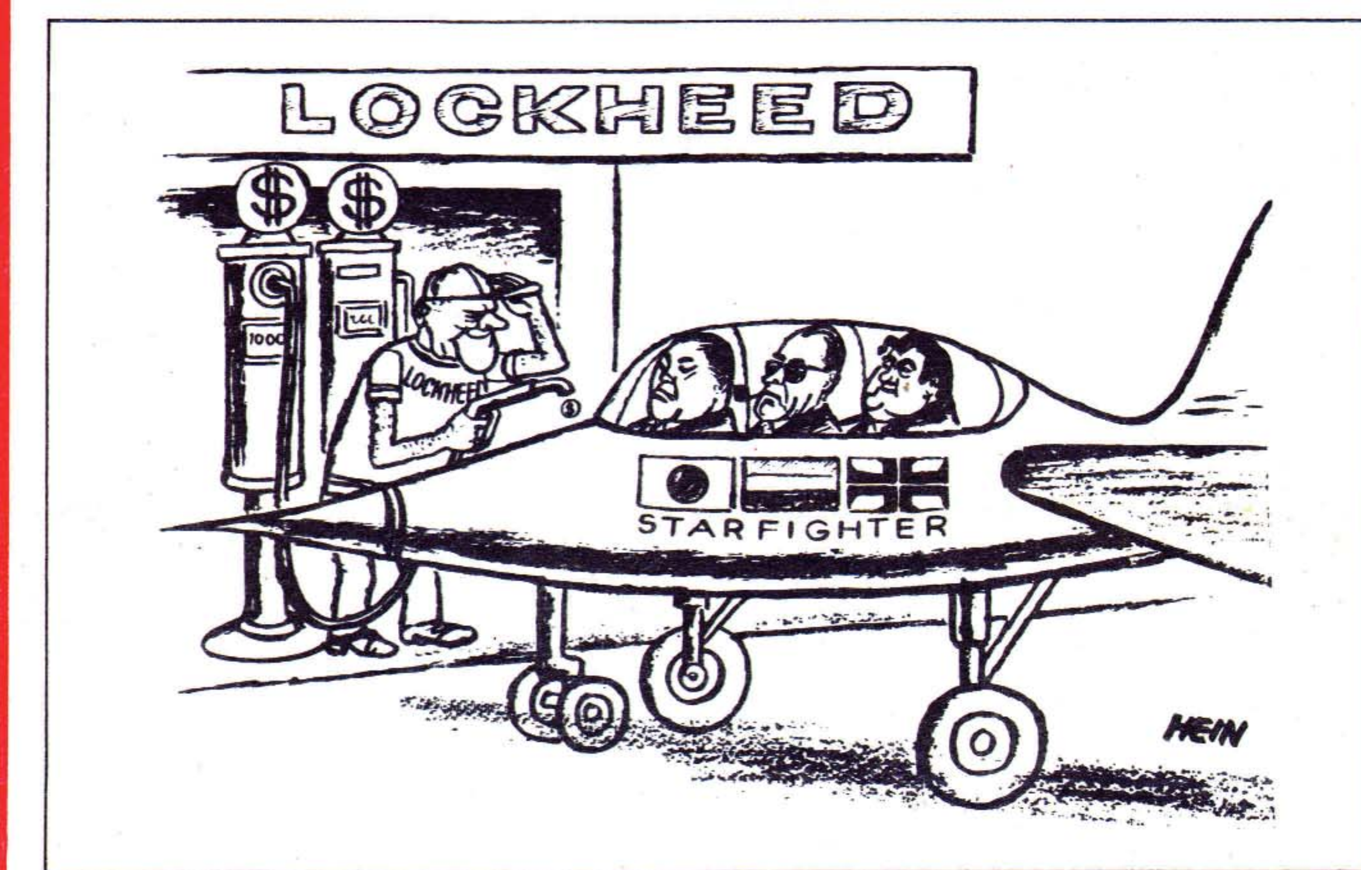
НА НАТОВСКОМ АЭРОДРОМЕ.

(Бронзовая медаль).



Миодраг СТОЯНОВИЧ, Югославия.
НАЕМНИКИ В АФРИКЕ
— Тихо, сынок, это хищники.
(Бронзовая медаль).

Наум ЛИСОГОРСКИЙ, г. Москва.
НА УКРЕПЛЕННЫХ ГОЛАНСКИХ ВЫСОТАХ.
(Бронзовая медаль).



Эрхард ХАЙНКЕ, ФРГ.
НА ЗАПРАВКУ.
(Бронзовая медаль).

В. НАДЕИН

Во дворе дрова...

Сначала не было ничего.

Потом тоже ничего.

Потом уж вовсе ничего.

В результате всех этих обстоятельств дом пожилой и сугубо положительной гражданки Ефросиньи Митрофановны Сухиновой подвергся активному растаскиванию всеми, кому не лень, так что десятилетиями нажитый ею скромный достаток обратился в прах...

Соседи Ефросиньи Митрофановны поговаривают, будто зря взялась она летом варить компот в количествах, превышающих ее личные потребности. Только Ефросинья Митрофановна, обладательница ухоженного приусадебного участка, не делала никакого секрета из причин своих хлопот, охотно объясняя соседям:

— На Камчатке, где, может, слыхали, повсюду исключительно гейзеры, проживает в городе Елизово моя дочь с мужем и внуками. Красивые, пишут, края, и зарплаты им платят такие, будто все они сплошь начальство. И все же относительно тамошних вишен я имею сомнение, тем более что еду туда в гости.

Ефросинья Митрофановна собиралась к детям основательно. Для банок заказала малый железнодорожный контейнер. Торжественно попрощалась с соседями. И даже в милицию не поленилась сходить, предупредила, что за домом пока посмотрит соседка Дубчак.

Но полтора месяца спустя, уже в Елизове, явился к бабушке милицейский следователь, очень подтянутый, вежливый и симпатичный. Откозыряв, он сообщил Ефросинье Митрофановне, что пришел на нее сигнал в смысле компотной спекуляции. Никем не подписанный, но все же подлежащий проверке.

Тут уместно заметить, что представление бабушки о Камчатке подтвердилось лишь наполовину. То есть гейзеров здесь и впрямь хватало, но хватало в магазинах и фруктов, и овощей, и компотов как отечественного, так и заграничного происхождения. И хотя внуки предпочитали бабушкину продукцию индустриальной, тем не менее почти весь контейнер был еще цел и предъявлен следователю в натуре.

Трудно сказать, как дальше развивались бы события, если бы в деле о компотной спекуляции на этом была поставлена точка. Но то ли следователь оказался крайне дотошным, то ли возникла у него немедленная потребность попользоваться казенным коштом в краях, прилегающих к курортному Черному морю,— не будем гадать. Известно лишь, что выписал он себе командировочку в Светловодск и разрешение на знакомство с бабушкиным садом. Прибыл, взял ключ у славной женщины Дубчак, удостоверился в наличии деревьев, способных создавать исходный продукт для вишневого компота. А для пресечения всевозможных домыслов предупредил:

— О моем пребывании здесь прошу не распространяться, поскольку сам по себе этот факт ровным счетом ничего не означает. Следствие, как известно, не выискивает вину гражданина, а лишь устанавливает ее наличие или отсутствие. Понятно?

— Понятно,— сказала Дубчак, хотя ровным счетом ничего не поняла.

То есть она поняла, но по-своему: что моральный фундамент ее соседки дал трещину. И немалую, видать, трещину, если специального следователя отрядили вон в какую даль! Скорее даже пропасть, сквозь которую Ефросинья Митрофановна и провалилась в чистилище обэхээс. И пойдет теперь престарелая стяжательница дорогой дальнею, и быть ей там много лет с полной конфискацией имущества.

О-ё-ёй! Но зачем же охранять имущество, которое все равно конфискуют? И для кого его охранять? И разве самим фактом антиобщественного поведения бабуля не сняла с нее, Дубчак, добровольно взятые на себя обязательства?

Всеми этими сомнениями славная женщина Дубчак щедро делилась с соседями. И вскоре уже рассказывали, как бабуся прицениялась к черной «Волге», уже нашлись и такие, кто лично видел, как бабуся в котиковом тулупе швыряла сотенными в оркестр...

Так что когда уставшая от нравственных терзаний славная женщина Дубчак пришла в городской отдел внутренних дел и спросила, как ей поступать с домом, заместитель начальника отдела Раев колебался недолго:

— Это которой Сухиновой? Которая себе ванны из шампанского устраивала? Это ж надо, до чего докатилась золотая молодежь!

— Старая она...— напомнила Дубчак.

— Перед законом все равны! А насчет дома мы распорядимся.

Ни о чем подобном не подозревавшая бабушка в это время открывала внукам последние банки с компотом. На душе у нее было покойно, потому что вернувшийся из Светловодска следователь, вежливый и симпатичный, сообщил ей, что сигнал оказался совершенно ложным и что она, Ефросинья Митрофановна, может по-прежнему честно смотреть людям в глаза.

В Светловодск Ефросинья Митрофановна вернулась теплым весенним днем, и встретила ее чужая собака. Чужая собака лежала посреди ее двора, и настроена она была явно недружелюбно. Впрочем, несколько добрее, чем молодой мужчина, который, выглянув из сеней, зло спросил:

— Уже выпустили? Откупилась?

И собака, лежавшая во дворе, брезгливо гавкнула.

Рядом невзрачной горкой полуистлевших дров валялись уже давно, видать, извлеченные из-под крыши во власть стихий комод, бельевой шкаф, кровать, буфет...

— Зачем вы это вынесли? — изумленно прошептала Ефросинья Митрофановна.

— Не вынесли, а выбросили,— поправил мужчина.— Нам оно без надобности.

— Вам? А вы-то кто такие?

— Мы хозяева.

— А кто же тогда я?

Молодой мужчина подумал и ответил:

— Антипод.

— Не понимаю. Объясни, пожалуйста.

— А это тебе в милиции объяснят.

О, как жаждала Ефросинья Митрофановна хоть каких-нибудь объяснений грабежа, которому подвергся ее долгие годы собираемый дом! Как хотелось ей, чтобы хоть кто-нибудь растолковал, почему без ее согласия прописали в ее доме совершенно посторонних людей?

Но в милиции от объяснений воздержались. Впрочем, начальник паспортного стола показал резолюцию майора Раева, который самолично разрешил прописку супругов Прибыловых в «изъятом» доме.

— А разве у меня изъяли дом?

— Не знаю. Выясняйте этот вопрос с майором Раевым.

Но выяснить этот вопрос с Раевым оказалось не так-то просто. Он укрывался от прямого общения с Ефросиньей Митрофановной с таким мастерством, будто сам всю жизнь скрывался, а не искал тех, кто скрывается. Целые дни проводила бабушка на присутственной скамье в ожидании неуловимого майора, а по вечерам ходила к соседям в поисках сгинувшего имущества.

Проще всего было найти часы-ходики. Их Прибылов торжественно подарил своей теще. Чуть сложнее было вернуть золотое кольцо. Помогло несколько наивное представление славной женщины Дубчак о всемогуществе закона: остерегаясь неминуемого, с ее точки зрения, обыска, она принесла кольцо в милицию сама.

Чистая душа! Она не представляла, что прокурор города на просьбу бабушки осмотреть квартиры некоторых соседей ответит решительным отказом. И я, при всем сочувствии Ефросинье Митрофановне, не могу осудить прокурора: ну нельзя же в самом деле устраивать повальные обыски на основе непроверенных слухов!

Но тут вы, читатель, вправе спросить и меня: а можно ли на основе непроверенных слухов официально санкционировать разграбление дома ни в чем не повинной гражданки? Выходит, в Светловодске можно...

Кировоградская область.

СОРЕВНОВАНИЕ

КРОКОДИЛЬСКАЯ ПРОВЕРКА

Облегченный встречный

Шумит-гремит Управление Приволжской железной дороги. Здесь в селекторной студии идет совещание. Вопрос один, но стоит десяти: обсуждаются социалистические обязательства на 1977 год.

Навострили уши, затаили дыхание начальники отделений в Ртищеве, Ершове, Астрахани, Волгограде. Тревожатся: «Что предложит начальник дороги В. А. Волков? Чем озадачит председатель дорпрофсожа М. Ф. Черепахин? Может, такое преподнесут, что совсем не в подъем? Вытянем или сядем в галошу?»

— Выдвинем повышенный встречный план! — громыхнул тов. Волков, повергая слушающих в тоскливое предчувствие: «Не вытянем».

— И к тому же предельно напряженный! — добавил тов. Черепахин, отчего у начальников отделений задрожали поджилки: «Ох, сядем в галошу!»

— На вооружение возьмем замечательный опыт нашего Волгоградского отделения! — грянул начальник дороги.

Потом в микрофон посыпались цифры встречного плана по грузообороту, простою вагонов, производительности труда и т. д. Но, странное дело, по мере того, как цифры доходили до сознания начальников отделений, у тех веселели лица и переставали дрожать поджилки. Призрак галоши, в которую они могли бы сесть, таял, как дым.

Попросил слова начальник планово-экономического отдела:

— Как же это получается? По встречному плану мы должны ввести в эксплуатацию 32 тысячи квадратных метров жилья, а у нас и без встречного запланировано 33 тысячи. Какое ж тут напряжение?

Поправку приняли. Согласились на 33 тысячи.

— Есть еще изменения? Дополнения? Возражения?

Не было ни первого, ни второго, ни третьего. Под занавес вызвали на соревнование аж две дороги — Куйбышевскую и Юго-Восточную — и разошлись по кабинетам.

Но когда цифры встречного дошли до тех, кому их выполнять надлежало, появились и возражения, и удивление, и даже откровенные смешки.

— Призывают нас улучшить содержание пути. Хорошо. Мы согласны. Но ведь если мы будем придерживаться цифры, указанной во встречном плане, путь будет не лучше, а хуже, чем в прошлом году! Странно! — чесали затылки путейцы.

— Сэкономить один миллион киловатт-часов электроэнергии? Да у нас, братцы, Ртищевское и Балашовское депо вдвоем столько осилят. Остальные, значит, могут небо коптить? — недоумевали машинисты.

И уже все хором удивлялись тому, что им советуют равняться на Волгоградское отделение, в прошлом году завалившее работу по важнейшим показателям.

В общем, получилось так: чтобы выполнить встречный план, надо работать не лучше, а хуже прошлогоднего. Не стремиться вперед, а по-рачьи пятиться назад.

Если же работать лучше, значит — презреть указания руководства дороги и дорпрофсожа. Что может быть расценено как недисциплинированность. Ведь приказ командира — закон для подчиненного.

Как же теперь быть?

Двух мнений тут быть не может. Нужно брать не облегченные обязательства, а идти вперед. И только вперед. Партия призывает сосредоточить силы на исправлении недостатков, подтягивать отстающие участки, не допускать в соревновании казенщины, формализма, показухи.

К. ПРИВОЛЖСКИЙ, Л. АЛЕКСАНДРОВА
г. Саратов.

Зрелость и молодость поэта

Как показывает опыт, ничто человеческое не чуждо и работнику «Крокодила». В том числе и любовь к поэзии. Вот почему, увидев афишу, извещающую, что «Центральный лекторий ордена Ленина Всесоюзного общества «Знание» и Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей СССР проводят авторский вечер поэта Арсения Тарковского», он загорелся желанием попасть на этот вечер. И попал.

Еще до начала вечера корреспондент «Крокодила» сумел проникнуть за кулисы и взять краткое интервью у маститого поэта. «Уважаете ли вы сатиру и юмор!» — напрямик, но не без тайного умысла спросил он. «Уважаю»,— сразу же признался поэт и как бы в подтверждение этого улыбнулся. И тогда последовал заранее приготовленный второй вопрос: «Есть ли у вас что-нибудь для Крокодила!» В глазах поэта появился некоторый интерес к корреспонденту: «Буквально на днях я написал одну маленькую поэмку. Сегодня здесь...»

— А о чем она! — нетерпеливо спросил корреспондент.— Что вы хотели выразить этим правдивым повествованием!

— Прежде всего восхищение, охватывающее человека перед лицом чудотворной природы,— ответил поэт.— Автор не мог сдержать своего негодования, замечая, что кто-то пытается незаконно обогатиться, используя для этого свою недвижимую собственность. Автор хотел также указать, сколь опасно некритическое отношение к различным лжеучениям вроде лжеучения Ломброзо. Автор надеется, что образ одного из действующих лиц нашего повествования, условно именуемого в легенде Йотой, пробудит в душе кого-нибудь из наших читателей воспоминания о какой-нибудь другой, не менее прелестной фее. А что Йота была самой настоящей феей—сомневаться не приходится. Вы удовлетворены!

— Вполне,— удовлетворенно кивнул корреспондент.

«Чудо со щеглом» в мастерском исполнении заслуженного артиста РСФСР Михаила Козакова ему понравилось. Чем именно! Отточенным, изящным языком, лукавым юмором и едкой иронией. И пусть в легенде — этом рассказе в стихах — речь идет о маленьком эпизоде из жизни поэта полувековой давности, читатель легко угадает, что стрела сатиры точно бьет по цели — духовному мещанству. Жив курилка!

Мастер поэтического перевода Арсений Александрович Тарковский — автор четырех собственных сборников стихов. Свою первую книгу поэт выпустил, когда ему было уже за пятьдесят. Сейчас ему, фронтовику, кавалеру боевых орденов, исполняется семьдесят лет. А сколько молодого задора в его легенде! Вчитайтесь, вслушайтесь в великолепную музыку его стихов, вдумайтесь в их смысл...

Г. МАРЧИК.

Впервые в Крокодиле

Арсений ТАРКОВСКИЙ

ЧУДО СО ЩЕГЛОМ

Поселковая легенда

ВРАЧ. Я две ночи нес наблюдение вместе с вами, но не вижу ни малейшего подтверждения вашему рассказу. Когда она бродила последний раз!

ПРИДВОРНАЯ ДАМА. С тех пор, как его величество выступил в поход, я видела не однажды, как она вставала, накидывала на себя ночной халат...

. . . .

...Смотрите, вот она идет!

Шекспир. «Макбет».

1

Снимал я комнату когда-то
В холодном доме на Двадцатой
Версте *, а за моей стеной
Нескромно со своей женой
Питомец жил консерваторский,
Пел, как Шаляпин и Касторский,
Но громче и, как Рейзен, в нос.
В передней жил облезлый пес,
Пушком его звала хозяйка,
Она была, как балалайка,
Вся вниз. Вверху торчал пучок
Величиною с пятачок,
Седой, но рыжей краской крашен.
Лба не было, и чем-то страшен
Был осторожный, будто вор,
Хозяйки ящерий взор.
Со всею желтизной своею
Лицо переходило в шею,
И, чуть расширившись в плечах,
Как вдоль по грифу, второпях
Внезапно раздавалось тело
И доходило до предела
Своих возможностей. Она
Была смертельно влюблена
В соседа моего — из класса
Вокального — красавца баса.

2

Ах, Шуберт, Шуберт! Твой «Двойник»
В раструб ее души проник,
И рокотал, и сердце ранил,
И душу страстную тиранил.
Хозяйка бедная всю ночь
Глядит на дверь певца — точь-в-точь
Злосчастный евнух, страж гарема,
Стоит и всхлипывает немо,
Сжимает кулаками грудь,
И только в горле бьется ртуть.
Я что ни день твердил соседям:
— Друзья, давайте переедем.
Не соблазняйте малых сих
Пыланием сердец своих.—
А бас и хрупкое сопрано
В ответ со своего дивана
Хохочут так, что спасу нет,
Кричат:
— Да ну тебя, сосед!

3

Однажды, синий от мороза,
Я брел со станции домой.
Добрел, и тут же за Ломброзо *
Сижу, читаю...
Боже мой!
Свечи мигающее пламя
Ужасный образ создает:
С его нечистыми глазами,
С его петлистыми ушами,
Как в гробовой сосновой раме,
В дверях Преступный Тип встает.
— Налоги за истекший год
И за дрова внести мне надо.
Я получить была бы рада
Не то, чтоб за февраль вперед,
Хоть за январь мне заплатите,
Коль нежелательных событий
И впрямь хотите избежать.
Итак, я жду. С вас двадцать пять.—
О, эта жизненная проза
И уши — две печати зла!
Антропология Ломброзо
Вдруг подтверждение нашла.
Хозяйка хлопнула дверями
И — прочь! Колеблемое пламя
Слетело с фитиля свечи,
Свеча погасла, и завыло
Все окаянное, что жило
Внутри нетопленной печи,—
Те упыри, те палачи,
Что где-то там, в ночи унылой,
Терзают с неизбывной силой
Преступных Типов за могилой,
А за окошком тоже выло:
Плясала по снегу метель,
Ее дурманил снежный хмель,
Она плясала без рубашки,
Бесстыже выгибая ляжки,
Снежинки из ее баклажки,
Как сторублевые бумажки,
Металисъ, клювами стуча,
В стекло.
Где спички? Где свеча?

4

Я — к двери баса и сопрано.
Казалось мне, что я кричу,
А я едва-едва шепчу:
— Кто у меня задул свечу?
Кто спички выкрал из кармана?
Кто комнаты сдает внаем,
А в комнатах температура
Плюс пять? Преступная Натура
Нарочно выстудила дом:
Ангина хватит, а потом
Прости-прощай, колоратура.
Все — Балалайка! У нее
В буфете между чайных ложек
Отточенное лезвие
Захоронил сапожный ножик.
Она им режет кур. Она
В уме совсем повреждена.
В ее глазах горит угроза
Убийства. От ее ушей
Злодейством тянет. Сам Ломброзо
Ушей петлистей и страшней
Вовек не видел. Бойтесь мести!
На почве зла родится зло.
Бежим! Бежим! Я с вами вместе!
Увязывайте барахло!

Тут я упал в передней на пол.
Не знаю, сколько я лежал,
Как долго пес лицо мне лапал
И губы языком лизал.
Меня в постель перетащили.
Хинином душу мне глушили,
Гасили снегом жар во лбу,
А я лежал, как труп в гробу.

Моя болезнь гнилой горячкой
Слыла тому сто лет назад.
Стояла смерть в углу за печкой,
И ведьмы обложили сад,
И черти по стене скользили,
Усевшись на свои хвосты,
И с непомерной высоты
К постели жмурики сходили:
— Погибли мы, и ты погиб!
Угробит всех Преступный Тип!

5

Зима прошла. Весною ранней
Очнулся я — один, один,
Без помощи, в сплошном тумане,
В дурмане, без гроша в кармане...
За стенкой — тихо на диване,
И всюду тихо. Из глубин
Души нахлынув, слезы льются...

Дверь настежь! Вижу донце блюдца
И руку. Слышу:
— Гражданин!
Возьмите огурец соленый! —
И блюдце брякнулось на стул,
И все затихло. Пораженный
Явленьем жизни возрожденной,
Не выплакавшись, я заснул.

Соседка с мужем возвратилась
Домой, когда уже в окне
Луна сквозь облачко светилась.
И что она сказала мне?
— Какая радость! Ваша милость
Для новой жизни пробудилась!
Ура, ура! Мы с муженьком
Сейчас напоим вас чайком.

Весна была, как Боттичелли,
И лиловата и смутна.
Ее глаза в мои глядели
Из приоткрытого окна,
Оползнем, птицы пели,
Из сада муравьи ползли.
Так снизошло к моей постели
Благословение земли.

6

Настал июнь, мой лучший месяц.
Я позабыл угарный чад
Своих январских куролесиц,
Метелей и ломброзиад.
Жизнь повернуло на поправку:
Я сам ходил за хлебом в лавку,
На постном масле по утрам
Яичницу я жарил сам,
Сам сыпал чай по горсти в кружку
И сам себе добыл подружку.

Есть в птичьем горлышке вода,
В стрекозьем крылышке слюда,
В ней от июня было что-то,
И после гласных иногда
В ее словах звучала йота:
«Собайка»,
«Хлейб»,
«Цвейты»,
«Звейзда».
Звучит — и пусть! Мне что за дело!
Хоть десять йот! Зато в косе
То солнце ярко золотело,
То вспыхивали звезды все.
Ее душа по-птичьи пела,
И в струнку вытянулось тело,
Когда, на цыпочки привстав,
Она вселенной завладела
И утвердила свой устав:
— Ты мой, а я твоя.—
И в этом
Была основа всех основ,
Глубокий смысл июньских снов,
Петрарке и другим поэтам
Понятный испокон веков.

7

Искать поэзию не надо
Ни у других, ни в словарях,
Она сама придет из сада
С цветами влажными в руках:
— Ух, я промойкла в размахайке!
Сегодня будет ясный день!
Возьми полтинник и хозяйке
Отдай без сдайчи за сирень! —
Еще словцо на счастье скажет,
Распустит косу, глаз покажет,
Все, что намокло, сбросит с плеч...
О, этот взор и эта речь!
И ни намека на Ломброзо
Нет в этих маленьких ушах,
И от крещенского мороза —
Ну хоть бы льдинка в волосах:
Сплошной июнь!
За йотой йота
Щебечет, как за нотой нота,
И что ни день —
Одна забота:
Сирень — жасмин,
жасмин — сирень.

8

Соседям Йота полюбилась.
Они сказали:
— Ваша милость!
Давайте чай квартетом пить! —
Она им:
— Так тому и быть! —
Мы дружно пили чай квартетом,
Боялись выйти со двора
И в доме прятались: тем летом
Стояла дикая жара.
Хрустела глина в переулке,
Свернулась жухлая листва,
В канавах вымерла трава,
А в небо так забили втулки,
Что нам из влажных недр его
Не доставалось ничего.
Зной, весь в дыму, висел над миром,
И был похож окрестный мир
На рыбу, прыщущую жиром,
В кипящий ввергнутую жир.
Но зною мы не поддавались,
Водою с милой обдавались,
И пили чай, и целовались
(Мы, и целуясь, пили чай
Полуодетые), и это
Был островок в пожаре лета,
И это было сущий рай.

Но, занятые чаепитьем,
Мы у соседей за столом
Потрясены одним событьем
Однажды были ввечером.
Вошла хозяйка. Страшным взглядом,
Как Вий, окинула певца.
Глаза, впечатанные рядом
В пергамент желтого лица,
Горели отраженным адом,
И нож сверкал в руке. Она
Была почти обнажена.
Не скрыв и половины тела,
Хламида на плече висела,
Распущен был седой пучок,
Пот по увядшей коже тек.
Она воскликнула:
— Зачем он
В мой дом проник с женой своей?
Оставь, оставь ее, мой Демон!
А ты сокройся от очей,
Змея, чернавка, сербиянка,
Цыганка, ведьма, персиянка,
И подходить к нему не смей!
Что сделал ты со мной, злодей?
Кто я теперь? Двойник, воспетый
Тобой самим в проклятый день!
Меня казнят — и пусть! За Летой
С тобой моя пребудет тень.
Умри ж! —
На стул хозяйка села,
И нож сапожный уронила,
И в сторону сползла со стула,
И на пол замертво упала.
Тогда с лицом бледнее мела,
Дрожа от ужаса, певец
Вскочил и крикнул:
— Я подлец!
Она моей любви хотела,
А я плевал на это дело,
И вот теперь она мертва! —
А милая моя сидела,
Она ничуть не побледнела,
Чай допила, калач доела
И молвила:
— Она жива.
Вскричал певец:
— Что делать будем?
Как я теперь — источник зла —
Посмею показаться людям?!
Моя подружка изрекла:
— Давайте куйпим ей щегла!

9

Дождь грянул наконец. Он длился,
Как птичья песнь. Он так плясал
И так старался, так резвился,
Что мир окрест преобразился
И засверкал, как бальный зал.
Гром, как державинская ода,
По крыше ямбом грохотал;
В поселке ожила природа,
С омытых листьев пыль стекла,
И блеск хрустального стекла
Приобрели углы и грани
Прекраснейшего из числа
Неисчислимых мирозданий.
Ушли Стрелки-Громовики,
Дождь перестал. Переходили
Потоки вброд и воду пили
В кустах смородинных жуки,
И без мучительных усилий
Росли грибы-дождевики.

Хозяйка наша в это время
Сидела в комнате своей.
Ее не тяготило бремя
Былых томительных ночей
И дней безрадостных. На темя
И стан ее, согнав печаль,
Слетела розовая шаль
Спокойствия и упований,
Хозяйке неизвестных ранé.
И что теперь ей до того,
Кто спит с женою на диване,
Не видя больше никого?
Она не держит на заметке —
Ушел певец или пришел,—
Повержен ревности престол:
Перед лицом хозяйки в клетке
Поет и прыгает щегол!
Он для нее слагает стансы,
С утра впадает в забытье,
И в забытьи поет романсы,
Танцует танцы для нее.
Щегол хорош, как шелк турецкий!
Чуть он прищелкнет:
— Цо-цо-цо! —
Заулыбается по-детски
Порозовевшее лицо.
Прищелкнув, засвистит, как флейта:
— Фью-фью! —
И глянет: каково?
Что басовитый голос чей-то
В сравненье с дискантом его?
Чушь, чушь!
А в комнате порядок,
Блестит зеркальным огоньком
Комод с фарфоровым котом,
Натерты крышки всех укладок
Полировальным порошком;
Кругом крахмал, и ни пылинки,
А что за платье в будний день!
А розочки на пелеринке —
Как было вышивать не лень!

Ах ты, щегол, колдун, волшебник,
Носитель непонятных сил!
Какому ты — живой учебник —
Хозяйку счастью научил!
С тобою белый день белее,
А ночью белого белей
Свободно плещут крылья фей
В блаженной комнате моей.

---

* Двадцатая Верста — подмосковная станция, ныне Баковка.

* Чезаре Ломброзо (1836—1909) — основатель крайне реакционной, т. н. антропологической школы. Его работу «Преступный человек» (1876) в переводе на русский язык читал персонаж поэмы, от лица которого ведется повествование.

— Учись, как писать заявки!

Рисунок Б. САВКОВА.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ДЖУЛЬЕТТА НА ОДИН СЕЗОН»

Так называлась «маленькая трагедия» С. Владимовой о мытарствах коллектива Красноярского театра юного зрителя, который ютится в Доме культуры имени Вл. Маяковского («Крокодил», № 2, 1977 г.).

Как сообщила редакции заместитель председателя Красноярского городского Совета депутатов трудящихся тов. Л. Ноткина, сейчас намечается строительство помещения для театра юного зрителя. Хозяйственные взаимоотношения между ТЮЗом и Домом культуры имени Вл. Маяковского взяты под контроль.

«ДВЕНАДЦАТЬ КАПЕЛЬ»

Так назывался фельетон, опубликованный во втором номере нашего журнала. В нем говорилось о вреде пьянства вообще, о слабой борьбе с алкоголизмом на некоторых предприятиях Белоруссии, а в частности, о том, что к работникам Академии наук Белорусской ССР, побывавшим в вытрезвителе, впоследствии не принимаются соответствующие воспитательные меры.

Как сообщил редакции секретарь парткома Академии наук БССР тов. В. Семенков, положение улучшилось. Партийным, профсоюзным и комсомольским организациям институтов и учреждений АН БССР предложено усилить воспитательную работу.

В Министерстве путей сообщения СССР

О РЕПОРТАЖЕ «СЕЗОН ПИК»

Прошлым летом с Курского вокзала отправилась бригада «Крокодила» и «Гудка». Дорожные впечатления от этой поездки и легли в основу репортажа, опубликованного в № 25 журнала за прошлый год.

Заместитель министра путей сообщения СССР тов. Н. Конарев сообщил редакции, что материал обсуждался в главных управлениях МПС и на железных дорогах. На Московском узле в 1976 году осуществлялся поэтапный ввод автоматизированной системы «Экспресс». В настоящее время завершено оборудование этой системой билетных касс московских вокзалов.

Министр путей сообщения обязал начальников железных дорог принять дополнительные меры по коренному улучшению подготовки пассажирских поездов в рейс и повышению культуры обслуживания пассажиров в поездах и на вокзалах. В 1977 году намечается открыть стоянки, имеющие умывальные, душевые, гладильные помещения, санузлы и другие обустройства в городах Алма-Ате, Одессе, Ташкенте, Вильнюсе, Пскове, Черкассах.

И. МАРТЬЯНОВ,
специальный корреспондент Крокодила

ПОЧЕМ НЫНЧЕ ДИПЛОМЫ?

Мы, мужчины, в непролазном долгу у них, любимых. В самом деле, скольких из нас представительницы слабого пола вдохновили на ратные подвиги, на выдающиеся рекорды, на бессмертные романсы и рацпредложения!

Иван Микитюк романсов не сочинял. В каких-то особых подвигах не участвовал. Однако благодатному женскому влиянию подвергался.

Все, собственно, началось в тот день, когда супруга его вздохнула:

— Дорогой Ваня, жизнь проносится мимо тебя. Сколько можно колупать уголь простым шахтером? В твоем облике мне видится инженер!

У Ивана словно кусок антрацита встал поперек горла.

— Да кто же меня в институт примет? Я памятью теперь, ох, как некрепок. Логарифм от деепричастия не отличу.

— Деепричастия я беру на себя,— сказала подруга жизни.

И вскоре у Микитюков за умело сервированным столом состоялся приязненный разговор с и. о. доцента Ивановского химико-технологического института М. В. Кондаковой. Узнав, что состоятельный шахтер нуждается в протекции, Маргарита Васильевна согласилась не бросить его в трудный час. Она свела его с членом приемной комиссии, преподавателем математики М. А. Ермаковой и преподавателем физики В. П. Малышевой. Таким образом, за логарифмы и законы Ньютона Ивану можно было не опасаться. А письменную работу по литературе жена шахтера снова взяла на себя. Во время экзамена ее посадили в укромненьком закутке, дали листки бумаги с институтским штампом и нашептали тему: «Есть люди с сердцем Данко»...

Так И. А. Микитюк. 1943 года рождения, горнорабочий шахты «Интинская» (Коми АССР), стал студентом-заочником механического факультета ИХТИ. Обошлось ему это в сущие пустяки: 150 рублей—Кондаковой, 100—Ермаковой, шампанское и конфеты — Малышевой. Ну, и несколько общих выходов в ресторацию.

Но жена Лидия вскоре убедилась, что общение мужа с педагогическим коллективом зашло слишком далеко. Были потом сцены ревности, собирание вещей в баул, битье фаянса и стеклодувной продукции, а напоследок оскорбленная супруга села за сочинение. На сей раз называлось оно менее поэтично, чем «Есть люди с сердцем Данко».

...Следственные органы долго разбирались в плутнях, творившихся под сводами храма науки. Оказалось, что здесь сложилась твердая такса — 20 рублей за фиктивный экзамен, 10 — за зачет. Поступление же в институт обходилось, понятно, дороже. Например, заместителю начальника воспитательно-трудовой колонии Н. С. Звонову пришлось раскошелиться на шестьсот целковых, а родным Ольги Успенской — на все семьсот. Эти «вступительные» бесконфликтно поделили между собой ассистент кафедры теоретической механики Л. П. Колесникова и уже известная нам Ермакова.

Итак, правосудие свершилось, зло наказано. Но прежде чем поставить точку, хочется немножко порассуждать. Дело в том, что Лидия Микитюк через полтора года закончит заочное отделение Ивановского университета, станет юристом. И, может быть, ей придется выступать на аналогичном судебном процессе. Думается, она должна сказать следующее:

— Дипломы не покупаются, а добываются настойчивым трудом, кропотливой учебой. Звание инженера должно служить свидетельством богатых знаний, а не богатой мошны. Это точно известно!

Из личного, простите, опыта?

г. Иваново.

нарочно НЕ придумаешь

«Вы пишете, что мастер-оптик П. Вам заменила оправу. Данный мастер лучшая из лучших и на мелочи (старую оправу) размениваться не будет».

(Из ответа заведующего магазином «Оптика» № 1).

Прислал В. Губин, г. Уфа.

«В 13.00 мастер отстранил меня от работы, так как у меня был запах спиртного, но по всему организму я был трезв».

Прислал А. Евдокимов, г. Бендеры.

«В момент посещения нами больного Соковцева А. Н. он находился дома и сидел на справке, выданной хирургом».

(Из акта, составленного страхделегатами).

Прислал Ю. Сергеев, г. Ухта.

«Медсправка

Дана гр. А. в том, что она была на приеме в медпункте 19.XI.76 г. Диагноз: катаральная ангина. Рекомендуется — алкогольное опьянение».

Прислал В. Алюханов, Тюменская область.

«Граждан, имеющих собак, просьба выводить в намордниках».

(Объявление).

Прислал Ю. Марченко, г. Москва.

улыбки разных широт

Известный комик зашел как-то с молоденькой девушкой в шикарный ресторан. Только они уселись за стол, как мимо прошел официант, который нес шашлык на шампурах. Девушка, которая никогда не видела это экзотическое для Франции блюдо, воскликнула:

— Что это!

— Ничего особенного,— спокойно ответил ее спутник,— это все, что осталось от клиента, который дал слишком маленькие чаевые.

●

— Я слышал, Джим, что ты выдаешь дочь за сына соседа, с которым ты несколько лет не разговариваешь.

— Да. Это единственный способ отомстить ему.

●

— Скажите, для чего в моем номере на окне два ряда сеток!

— Для того, чтобы вы могли спокойно спать при открытом окне. Мелкая сетка предназначена для того, чтобы сюда не могли проникнуть комары, а сетка крупнее не пропустит мух.

— Это цена подставки, а я сто́ю гораздо дороже.

«Курир», Австрия.

Дюпон рассказывает о своем начальнике:

— О, вы не представляете себе, как тщательно он изучает все факты, прежде чем принять решение. Снова и снова он взвешивает все «за» и «против», и только после этого он подбрасывает монетку, чтобы решить, как поступить.

— Откуда я знаю, кто это сделал, может, кто-нибудь хотел зайти сюда?

«Сеттимана энигмистика», Италия.

Жена — мужу:

— Почему ты перестал играть в шахматы с соседом!

— А ты бы стала играть с человеком, который все время подзуживает партнера, а проиграв, устраивает форменную истерику!

— Нет, конечно.

— Вот и он не стал.

Муж за завтраком читает газету. Жена сидит напротив.

Он (из-за газеты): Ты что-то сказала!

Она: Ничего. Это было вчера.

●

— Ты не забыл сегодня умыть лицо, Петер!

— Мамочка, но я же не пользовался им со вчерашнего вечера!

●

Жена будит мужа:

— Вставай, старый, петухи уже кричат!

— Незачем нам в это дело встревать,— проворчал муж и перевернулся на другой бок.

Рисунки Владо ЙОЦИЧА (Югославия)

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ (Польша)

Нелегкая задача

Некто поставил перед собой нелегкую задачу. Не вдаваясь в подробности, дело заключалось в том, чтобы это

— Не было ни черным, ни белым;
— Ни цветным, ни бесцветным;
— Ни коротким, ни длинным;
— Ни веселым, ни грустным;
— Ни бесспорным, ни спорным;
— Ни забавным, ни нудным;
— Ни глубоким, ни плоским;
— Ни тяжелым, ни легким;
— Ни теплым, ни холодным;
— Ни полезным, ни вредным;
— Ни передовым, ни консервативным;
— Ни светлым, ни мрачным;
— Ни реалистичным, ни фантастичным;
— Ни прекрасным, ни отвратительным;
— Ни за, ни против;
— Ни то, ни се...

Получилось.

Теперь это репетируется в театре.

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

Станислава ЛИПТАКОВА (Чехословакия)

Родство душ

Было холодно, накрапывал дождик. Я поставила машину в гараж, заперла ворота и, нахохлившись, побрела домой. Внезапно я услышала позади себя шаги. Кто-то явно догонял меня. Разговор под дождем в глухом, пустынном переулке в одиннадцать вечера с незнакомым человеком не слишком вдохновлял меня, и я прибавила шаг. Но человек не отставал.

— Простите, пожалуйста,— послышалось сзади, и я остановилась, потому что бежать было бессмысленно: на высоких каблуках по лужам я и от черепахи не убежала бы. Мой преследователь подошел ко мне, и я заметила, что он выглядел довольно элегантно: на нем был светлый плащ, ботинки на толстой подошве и светлые перчатки.

— Простите, пожалуйста,— грабитель вежливо приподнял шляпу,— не могли бы вы оказать мне небольшую услугу?

«До чего симпатичный бандит»,— подумала я и посмотрела на него. Ему было лет около сорока, и выглядел он вполне интеллигентно.

— Видите ли,— продолжал он,— я застрял в луже около вашего гаража и никак не могу выбраться. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы помогли мне. Вы сели бы за руль моего «вартбурга», а я попытался бы подтолкнуть машину сзади.

Вот тебе и грабитель! Я даже засмеялась от облегчения.

— С удовольствием,— сказала я,— пойдемте.

Мы вернулись, и я, стараясь не замочить ноги, влезла в машину.

— Ну, давайте! — крикнул бывший грабитель, и я включила мотор. После двух попыток «вартбург» выскочил из лужи. Его хозяин подошел ко мне, и я увидела, что буксовавшие колеса превратили его светлый плащ в маскировочный халат.

— Ну, попадет вам от жены,— сказала я.

— У меня нет жены.

Я внимательно посмотрела на своего случайного знакомого. Теперь он мне нравился еще больше. Гм, симпатичный, элегантный холостяк лет сорока с новеньким «вартбургом»... И квартира, наверное, у него неплохая...

— Разрешите вам представиться.— Он вежливо наклонил голову. — Инженер Вышковский. Химик. Вы не представляете, как я вам благодарен. Без вас я всю ночь сидел бы в этой луже. Перспектива, согласитесь, не слишком приятная. Я, признаться, вначале колебался, стоит ли просить женщину о такой помощи, но я видел, как ловко вы заехали в свой гараж, и понял, что вы прекрасно водите машину.

— Спасибо,— сказала я.

— О, я уверен, что вы обладаете и другими талантами...

— Вы не ошиблись,— скромно сказала я и подумала, что, может быть, лужа около гаража сыграет в моей жизни самую положительную роль.— Я, знаете, не профессиональный водитель. Я еще отлично готовлю, вяжу, вышиваю...

— О, замечательно! — улыбнулся инженер.— Позвольте мне подвезти вас до дому?

— С удовольствием,— сказала я, чувствуя, что нравлюсь владельцу «вартбурга».— Это не очень далеко, но погода ужасная.

— О чем вы говорите, я вам бесконечно благодарен.

Инженер влез в машину, бросив на меня искоса внимательный взгляд.

— Изумительный у вас костюм,— сказал он.— И сидит как влитой. Где вы его шили?

— О, я не зря хвасталась своими талантами,— улыбнулась я,— я сама шила его.

Инженер задумался о чем-то. Я бы на его месте тоже задумалась. Встретив довольно стройную женщину, выглядящую значительно моложе своих тридцати шести лет, со своими «Жигулями», умеющую вязать, готовить, шить,— тут есть о чем задуматься сорокалетнему холостяку.

— Извините меня,— вдруг сказал инженер,— я хотел обратиться к вам еще с одной просьбой...

«Милый,— подумала я,— взрослый, а такой робкий. Пригласит, наверное, для начала поужинать с ним... Может быть, лучше сразу не соглашаться? А то подумает, что я какая-нибудь легкомысленная особа...»

— Ради бога...

— Вы, видно, такая рукодельница... Может быть, вы сошьете мне чехол для машины?

Я с таким треском захлопнула дверцу его «вартбурга», что вряд ли он когда-нибудь снова откроет ее...

Перевел Г. КОФМАН.

Слова, слова...

Какое это счастье — найти хорошего друга в непроходимом лабиринте!

Приписывается Тезею, победителю Минотавра.

Не хочется считаться с фактами только из-за того, что они упрямы.

М. Ген, американский социолог.

Идеальный мужчина — это тот, кто считает, что выбрал себе идеальную жену.

Леди П. о своем муже.

Оказываю моральную поддержку за материальную.

Объявление в английской газете «Санди таймс».

Покупая кота в мешке, будь осторожен, чтобы не купить кошку.

Приписывается Плутарху.

Ловя кого-нибудь на слове, помни, что лицензии на этот вид охоты у тебя нет.

Бушменская народная мудрость.

КРОКОДИЛ

№ 12 (2202)
апрель

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: В. Безбородов, М. Вайсборд, В. Куликов.

■

НАШ АДРЕС:

101455, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86

253-34-37

■

Рукописи не возвращаются

■

Сдано в набор 28/III 1977 г. А 02047. Подписано к печати 5/IV 1977 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 850 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 659 700). Изд. № 1005. Заказ № 464.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП. ул. «Правды», 24.